

Многосторонняя
дипломатия
в биполярной системе
международных
отношений

Университет Дмитрия Пожарского

Коллектив авторов

**Многосторонняя
дипломатия в биполярной
системе международных
отношений (сборник)**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2012

Коллектив авторов

Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений (сборник) / Коллектив авторов — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2012

ISBN 978-5-91244-060-1

В сборнике статей рассматриваются проблемы развития многосторонней дипломатии в годы холодной войны: функционирование механизма Организации Объединенных Наций, в том числе в условиях кризисов и конфликтов, взаимодействие государств в рамках военно-политических блоков (СЕАТО, СЕНТО и ОВД), международных экономических и политических организаций, участие общественно-политических организаций и движений в борьбе за разоружение и запрещение ядерного оружия. Книга рассчитана на специалистов-международников, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется историей международных отношений.

ISBN 978-5-91244-060-1

© Коллектив авторов, 2012

© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2012

Содержание

Введение	6
Гайдук И. В. ООН в 1950 году: от советского бойкота к Корейской войне	15
Гиголаев Г. Е. Женевские конференции ООН по морскому праву и многосторонние переговоры по формированию правового режима Мирового океана в годы холодной войны	31
Мазов С. В. Конголезский кризис и позиция СССР в ООН. 1960 г	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений

© Коллектив авторов, 2012

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012

© Яворский И. Р., дизайн макета и верстка, 2012

Введение

В XXI в. в международной дипломатической деятельности все большую роль играет многосторонняя дипломатия. Процессы глобализации и интеграции, охватившие весь мир, упрочение связей между различными участниками мировой политики, интенсификация межгосударственного общения и расширение функций государства как регулятора общественных отношений создали достаточные условия для использования механизмов многосторонней дипломатии, которые часто приходят на смену традиционным двусторонним отношениям между государствами. Необходимость многостороннего сотрудничества вызывается ростом общемировых проблем, таких как распространение оружия массового уничтожения или загрязнение окружающей среды и глобальное потепление, которые требуют объединения усилий всего мирового сообщества и согласования через механизмы многосторонней дипломатии адекватного ответа на вызовы современного мира. Значение многосторонней дипломатии и необходимость использования ее методов вполне осознается ведущими участниками международных отношений. В Концепции внешней политики Российской Федерации, обнародованной в 2008 г., многосторонняя дипломатия выделена в качестве главного инструмента системы международных отношений, призванного «обеспечить надежную и равную безопасность каждого члена мирового сообщества в политической, военной, экономической, информационной, гуманитарной и иных областях»¹.

Не удивительно, в связи с этим, что проблемы многосторонней дипломатии все чаще становятся объектом внимания и обсуждения в самых различных кругах, связанных с областью внешней политики и международных отношений: от политиков и дипломатов до представителей научного сообщества – историков, политологов, политических аналитиков². В этих условиях понимание сущности многосторонней дипломатии, сферы ее действия и эволюции на разных этапах истории международных отношений приобретает важное значение.

Давая определение многосторонней дипломатии, большинство практиков и ученых склонно ограничиваться указанием на непреходящую вовлеченность в переговорный процесс трех и более участников, что и придает многосторонней дипломатии ее отличительный характер от традиционных форм двусторонних отношений. Таким образом, на первый план выступает формальный количественный признак этой формы дипломатической деятельности, в ущерб самому принципу многосторонности (multilateralism), который во главу угла ставит существо отношений между участниками многосторонней дипломатии и характер их взаимодействия. В истории международных отношений найдется немало примеров, когда участие в дипломатическом процессе трех и более государств мало чем отличалось от традиционных двусторонних отношений, так как взаимодействие в рамках этого процесса между отдельным участником с каждым из его партнеров развивалось в изоляции друг от друга и основывалось на часто несовпадающих принципах. Примером такой «ложно многосторонней» дипломатии может служить Союз Трех Императоров, созданный в 1870–1880-х гг. как часть системы альянсов, выстраиваемых Отто фон Бисмарком и направленных против Великобритании и Франции³.

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // *Международная жизнь*. 2008. № 8. С. 218–219.

² В 2008 г. в преддверии очередных президентских выборов в США проблемам многосторонней дипломатии был посвящен специальный номер журнала, издаваемого Школой перспективных международных исследований Университета Джонса Хопкинса, включавший статьи, анализировавшие значение и перспективы использования этой формы дипломатической деятельности новой администрацией США. См.: *SAIS Review*. Vol. 28. No. 2 (Summer-Fall 2008). См. также книгу российского исследователя Т. В. Зоной, в которой автор посвящает вопросам многосторонней дипломатии отдельную главу: *Зонова Т. В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития*. М., 2003.

³ *Ruggie J. G. Multilateralism: the Anatomy of an Institution* // *International Organization*. Vol. 46. No. 3 (Summer, 1992). P. 565–

Следовательно, коренное отличие многосторонней дипломатии от традиционных форм дипломатии состоит в том, что она не только является средством координации внешнеполитической деятельности группы трех и более государств, но эта координация осуществляется на основе определенных принципов, являющихся общими для всех участников данной группы. Иными словами, в случае многосторонней дипломатии нет места исключительности, особого положения того или иного участника дипломатического процесса, которое обеспечивало бы ему привилегированные, по сравнению с другими, позиции, что предполагает равенство каждого из них как в смысле прав, так и ответственности. Эти принципы в полной мере нашли свое воплощение в системе коллективной безопасности, которая зиждется на той предпосылке, что мир неделим и что война, развязанная против одного из членов мирового сообщества, *ipso facto*, является войной против всех⁴.

Несмотря на то, что интенсивный рост многосторонней дипломатической деятельности начался, главным образом, после окончания Второй мировой войны, многосторонняя дипломатия не является новшеством второй половины прошлого века или XX века вообще. К этой форме дипломатии прибегали и на более ранних этапах, например, в процессе становления так называемого «Европейского концерта», системы международных отношений XIX в., сложившейся после Наполеоновских войн. Позже в этом же веке были претворены в жизнь и многосторонние договоренности в области торговли (Free Trade), финансов (Парижская система валютных соглашений), телекоммуникаций (Международный телеграфный союз и Международный почтовый союз) и мирного урегулирования споров (Гаагские конференции 1899 и 1907 гг.)⁵. Однако до XX в. потребности координации усилий членов мирового сообщества в считанных случаях приводили к созданию международных организаций, что особенно касается сферы безопасности.

Впервые институциональное оформление многосторонней дипломатии в этой области получила только после Первой мировой войны с созданием многоцелевой универсальной международной организации – Лиги Наций в 1919–1921 гг. И хотя Лига Наций не смогла в полной мере использовать механизмы многостороннего сотрудничества между государствами для предотвращения новой мировой войны, ее опыт сыграл неоценимую роль после победы над гитлеровской Германией и милитаристской Японией в 1945 г. в деле развития различных форм многосторонней дипломатии – от Организации Объединенных Наций до международных конференций и форумов, объединявших как представителей государств, так и неправительственных организаций и движений. Именно после Второй мировой войны многосторонняя дипломатия испытала бурный рост, выразившийся в создании ООН, системы ее специализированных учреждений, целого ряда региональных организаций и других межправительственных и международных институтов. В 1951 г. их насчитывалось 123, а в 1976 г. было зарегистрировано 308 такого рода организаций, и это число в основном оставалось неизменным до конца холодной войны. В том же году было проведено 3699 многосторонних межправительственных конференций с участием представителей стран на самых разных уровнях⁶.

Такому росту многосторонней дипломатии не помешала даже холодная война, которая нередко служила серьезным препятствием для объединения усилий государств и народов на международной арене. Несмотря на раскол мира на два враждебных блока и ожесточенное идеологическое, политическое и военное соперничество, характерное для периода холодной войны, осознание опасности глобального военного конфликта, который с созданием ядерного оружия мог иметь катастрофические последствия для всего мира, часто являлось мощным

566.

⁴ *Ruggie J. G.* Multilateralism: the Anatomy of an Institution // *International Organization*. Vol. 46. No. 3 (Summer, 1992). P. 569.

⁵ *Kennedy P.* The Parliament of Man: The United Nations and the Quest for World Government. L., 2006. P. 4–5.

⁶ *Дмитричев Т. Ф.* Многосторонняя дипломатия США: Теория и практика. М., 1981. С. 5.

стимулом в пользу преодоления разногласий в деле сохранения мира на международной арене и укрепления безопасности. Кроме того, потребности экономического развития, научно-технического прогресса, гуманитарного сотрудничества диктовали необходимость объединения усилий во многих областях человеческой деятельности, для чего многосторонняя дипломатия служила важным средством и серьезным подспорьем.

Тем не менее, холодная война не могла не оказать негативного влияния на многостороннюю дипломатию, особенно в рамках созданных в связи с ней институтов. Обе участвовавшие в конфронтации сверхдержавы – СССР и США – часто прибегали к этой форме дипломатической деятельности для достижения своих корыстных, порой противоречивших самому духу международного сотрудничества целей. Они использовали потенциал многосторонней дипломатии, например, для обеспечения поддержки своих внешнеполитических акций со стороны возможно большего числа союзников и партнеров. Они пользовались ею в целях пропаганды для мобилизации общественного мнения и привлечения его на свою сторону. Многосторонняя дипломатия служила важным средством укрепления их престижа и расширения влияния на международной арене. Вместе с тем, мировому сообществу удалось средствами многосторонней дипломатии предотвратить, удержать под контролем или найти мирное решение большинства вооруженных конфликтов, имевших место после 1945 г.⁷ В этом деле важнейшую роль сыграли ООН и другие многосторонние организации.

Именно Организации Объединенных Наций принадлежит ведущее место в системе институтов многосторонней дипломатии. Главенствующее положение ООН в деле международного сотрудничества не оспаривается ни одним из членов мирового сообщества, несмотря на порой резкую критику некоторых аспектов ее деятельности в последние годы. В статье, опубликованной в связи с шестидесятилетним юбилеем ООН, министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркивал значение этой организации: «ООН воплощает в себе общепланетарную легитимность, основу универсальной системы коллективной безопасности, которая строится на фундаментальных принципах международного права: суверенное равенство государств, неприменение силы или угрозы силой, мирное разрешение споров, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека и основных свобод. В рамках ООН действует механизм согласования и принятия коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и безопасности»⁸.

Наряду с ООН и ее специализированными учреждениями (такими как Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры – ЮНЕСКО, Международный валютный фонд, Международная Организация Труда), в систему многосторонних институтов входят иные международные межправительственные организации, большинство из которых созданы в сфере регионального сотрудничества. К ним относятся Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Организация Американских Государств (ОАГ), Организация Африканского Единства (ОАЕ). Другим важным компонентом этой системы являются коалиции государств, военно-политические блоки (НАТО), интеграционные объединения (Европейский Союз), политические ассоциации (Лига арабских государств, Движение неприсоединения). В связи с возросшим участием во внешнеполитической деятельности различных социальных слоев общества и широких кругов общественности система институтов многосторонней дипломатии расширилась за счет негосударственных (неправительственных) международных организаций и движений (международные объединения политических партий, профессиональных союзов и т. д.), а также неформальных международных движений и форумов (т. н. «народная дипломатия»).

---

⁷ Multilateral Diplomacy and the United Nations Today / Ed. by J. P. Muldoon, Jr., J.F. Aviel, R. Reitano, E. Sullivan. Boulder (Col.), 1999. P. 10.

⁸ Лавров С.В. Годы на Ист-ривер: к юбилею Всемирной организации // Международная жизнь. 2005. № 7-8.

Большинство институтов многосторонней дипломатии оформились в годы холодной войны, и с ее окончанием, а также распадом мировой социалистической системы, часть из них прекратила свое существование (Организация Варшавского Договора, Совет Экономической Взаимопомощи). На их месте появились новые субъекты международных отношений, широко использующие в своей деятельности методы многосторонней дипломатии и преследующие цели мобилизации и координации усилий стран и народов в решении различных задач, встающих перед мировым сообществом. Однако сохранились и прежние международные институты, продолжающие успешно функционировать в новых условиях.

Чтобы разобраться во все более усложняющихся формах и институтах многосторонней дипломатии и ее влиянии на международную политику на современном этапе, необходимо проследить их эволюцию, выяснить причины, приведшие к их зарождению, а также факторы, повлиявшие на их становление. Поскольку, как было отмечено выше, бурный рост многосторонней дипломатии пришелся на десятилетия после окончания Второй мировой войны, представляется вполне обоснованным, что именно период холодной войны оказался в центре внимания авторов статей, представленных в настоящем сборнике. При этом одной из их целей было стремление проанализировать многостороннюю дипломатию в возможно более широком аспекте, начиная от межгосударственных отношений и заканчивая сферой «народной дипломатии».

В целом большинство представленных в сборнике статей тематически можно объединить в несколько групп в соответствии с теми формами многосторонней дипломатии, которые рассматриваются их авторами.

В первую очередь, это статьи, посвященные различным сюжетам, связанным с функционированием Организации Объединенных Наций. В статье И. В. Гайдука рассматриваются события кризисного 1950 г. в истории ООН. Подробно анализируя на основе архивных документов взаимосвязь объявленного СССР в январе 1950 г. бойкота работы Совета Безопасности ООН и последующего принятия решения об участии вооруженных сил этой всемирной международной организации в войне в Корее на стороне южнокорейских войск, Гайдук показывает, как происходило втягивание самой ООН в конфликт на Корейском полуострове вместо того, чтобы исполнять положенные ей миротворческие функции в урегулировании этого опасного международного кризиса.

В статье С. В. Мазова, с привлечением новых архивных документов, всесторонне исследуется позиция СССР в ООН в связи с начавшимся в 1960 г. Конголезским кризисом, который явился крупным конфликтом холодной войны в Африке южнее Сахары. Выдвигаемые СССР предложения по урегулированию ситуации в Конго, после введения туда бельгийских войск и обращения конголезского правительства за помощью в ООН, проанализированы автором в контексте сложного развития внутривосточной ситуации в этой африканской стране, посылки туда войск ООН и нежелания со стороны Запада укрепления позиций П. Лумумбы. Особое внимание обращено автором на критическое отношение советского руководства к деятельности Генерального секретаря ООН Д. Хаммаршельда в ходе Конголезского кризиса, нашедшее свое выражение в выступлении Н. С. Хрущева на XV Генеральной Ассамблее ООН.

О той роли, которую выполняли структуры ООН в плане многостороннего обсуждения проблем Мирового океана и развития международного морского права, подробно говорится в статье Г. Е. Гиголаева. Обратившись к данному недостаточно изученному, но очень важному вопросу противоборства западного и восточного военно-политических блоков, на которое накладывались традиционные морские споры прибрежных стран, автор подчеркивает, что в рамках ООН в годы холодной войны были предприняты попытки предотвратить раздел пространств и ресурсов Мирового океана в одностороннем порядке посредством проведения многосторонних конференций по кодификации морского права и создания целого ряда органов и специальных организаций, занимающихся вопросами регулирования отношений в сфере море-

пользования. В фокусе внимания автора находятся две проведенные в Женеве в 1958 и 1960 гг. конференции ООН по морскому праву, принявшие ряд важных конвенций, несмотря на существенные разногласия между их участниками.

В отличие от ООН Организация американских государств (ОАГ) являлась региональным институтом. Однако, как показано в статье Н. С. Иванова, она выполняла важную роль главного инструмента в функционирование всей межамериканской системы многосторонней дипломатии. Автором проанализирована присущая этой системе двойственность в осуществлении ее практической деятельности. Стремление США создать единый многосторонний военно-политический блок латиноамериканских государств, имевший антикоммунистическую направленность, и руководить им встречало сопротивление стран Латинской Америки «блоковой дипломатии». В статье подчеркнута, что ответная жесткая реакция США, выражавшаяся в политике интервенций и организации внутривосточных переворотов (особенно наглядно это проявилось в 1973 г. в Чили), не заглушила попыток стран Латинской Америки проводить независимую внешнеполитическую линию.

История формирования и функционирования региональных военно-политических блоков СЕАТО и СЕНТО в биполярной системе международных отношений рассмотрена в статьях Ю. А. Дубинина и В. П. Румянцева. Создание в Азиатско-Тихоокеанском регионе системы безопасности, направленной на «сдерживание коммунизма» в Азии, было обусловлено, по мнению Дубинина, тремя важными факторами: победой коммунистов в гражданской войне в Китае; участием СССР и Китая в войне в Корее; морально-политической поддержкой со стороны СССР и КНР антиколониальной борьбы вьетнамского народа. Автором подробно рассмотрено, как по мере неудач Франции в колониальной войне в Индокитае в администрации Д. Эйзенхауэра постепенно созревало решение о создании в регионе Юго-Восточной Азии многосторонней военной коалиции с участием США, и как оно реализовывалось в многосторонних переговорах осенью 1954 г. Для понимания специфики регионального военного блока СЕАТО важен проведенный автором анализ значительных различий в подходах стран-участников к смыслу и содержанию деятельности новой организации. Немаловажно и то, что Дубинин обращает внимание на попытки НАТО с 1957 г. наладить сотрудничество однотипных структур безопасности в некоммунистических странах (ОАГ, СЕАТО, а также Багдадским пактом), которое, однако не получило широкого развития ввиду разности задач этих военно-политических блоков. Рассматривая причины кризиса СЕАТО и прекращения ее деятельности в 1977 г., Дубинин особо выделяет воздействие войны США во Вьетнаме, которая, по его мнению, выявила несостоятельность попыток создания структур безопасности, состоящих из кардинально отличных по своим политическим и военным возможностям партнеров.

Обращаясь к рассмотрению складывания многосторонней дипломатии на Ближнем и Среднем Востоке, В. П. Румянцев отмечает, что начало холодной войны придало новый импульс становлению многосторонней дипломатии в Ближневосточном регионе, выразившееся в окончательном оформлении в ноябре 1955 г. Багдадского пакта. Этот пакт, включавший Ирак, Турцию, Пакистан, Иран и Великобританию, должен был замкнуть цепь военно-политических блоков вокруг СССР и сопредельных с ним территорий. Как и в истории функционирования СЕАТО, автором показано, что при наличии общей цели сотрудничества в сфере безопасности и обороны между участниками Багдадского пакта существовало различное понимание приоритетных направлений его деятельности. Почти все азиатские члены пакта выдвигали на первый план свои локальные интересы, а не противодействие советской «угрозе». Сильное влияние внутривосточных факторов на позицию мусульманских членов Багдадского пакта проявилось в их оппозиции англо-франко-израильской агрессии в Египте в 1956 г. В статье подробно рассмотрены трудности проведения США и Великобританией блоковой политики на Ближнем и Среднем Востоке. Выход Ирака из Багдадского пакта в марте 1959 г. привел к его переименованию в Организацию центрального договора (СЕНТО),

тем самым обозначая, что эта организация занимала центральное географическое положение между НАТО и СЕАТО. Однако СЕНТО продолжало оставаться аморфным военно-политическим блоком вплоть до своего развала в 1979 г., главными причинами которого автор статьи считает не только слабость традиций межгосударственного сотрудничества мусульманских стран-членов, но и просчеты западных держав.

Тема блоковой политики в биполярном мире находит свое продолжение в статье Ар. А. Улуныяна. На примере взаимоотношений СССР с Албанией, Румынией и Болгарией автор анализирует непростой процесс формирования Организации Варшавского Договора (ОВД) в качестве военно-политического блока с 1955 до начала 1960-х гг. В статье отмечено влияние как идеологического, так и геополитического факторов на многостороннее военно-политическое сотрудничество социалистических стран. Воздействие идеологических разногласий больше проявилось в настроениях албанского руководства, поддержавшего раскольническую линию компартии Китая. Усиление конфронтации между Тираной и Москвой с 1961 г. повлияло на отношение Албании к ОВД. Стремление румынского и болгарского руководства занять позиции лидера среди балканских стран, подкрепленные фактами вывода советских войск из Румынии в 1958 г. и реформами в болгарских вооруженных силах, также отражались на развитии Варшавского договора, требуя дополнительных усилий по координации действий союзников. Таким образом, Улуныян подчеркивает, что в рамках ОВД помимо союзнической существовала и конфронтационная составляющая.

Статьи М. А. Липкина и И. В. Купалова посвящены некоторым аспектам многосторонней дипломатии в области регулирования мировой экономики. Привлекая новые документы российских архивов, Липкин обратился к рассмотрению истории формирования ключевых послевоенных экономических и финансовых институтов – Международного валютного фонда (МВФ), Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Международной торговой организация (МТО), – через призму участия в переговорах по этому вопросу Советского Союза с 1942 г. до конца 1940-х гг. Большой интерес представляют приводимые автором аналитические записки советских экономических экспертов в ответ на предложения западных союзников, а также переписка руководящих сотрудников НКВД/МИД с В. М. Молотовым, которые дают представление об отсутствии консенсуса внутри внешнеполитического и финансового ведомств относительно участия СССР в новых международных экономических организациях. Как показывает автор, в 1946 г. еще существовал шанс участия СССР в МВФ и МБРР, однако он увязывался советским руководством с американским кредитом, обещанном еще правительством Ф. Рузвельта. В результате изучения всех созданных структур и мероприятий СССР, связанных с претворением в жизнь решений конференции 1944 г. в Бреттон-Вудсе, Липкин приходит к выводу о влиянии холодной войны на отказ СССР от обсуждения с США и Великобританией вопросов совместного и равноправного участия в многосторонних глобальных экономических структурах.

Статья И. В. Купалова представляет собой последовательное изложение, начиная с конференции в Бреттон-Вудсе, событий, приведших в 1995 г. к созданию Всемирной торговой организации (ВТО). Автор отмечает, что ввиду провала плана создания МТО, Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), вступившее в силу в январе 1948 г., оставалось единственным инструментом регулирования международной торговли до замены его ВТО. Купалов уделяет внимание структуре ГАТТ, ее руководящему составу, дискуссиям относительно основных юридических принципов, рассмотрению содержания многосторонних торговых переговоров. Им также отмечены попытки СССР в годы перестройки установить контакты с ГАТТ. Учитывая актуальность вопроса о членстве России во Всемирной торговой организации, автор выходит за хронологические рамки сборника и обращается к созданию ВТО, являющейся, по его мнению, прорывом в многосторонней торговой дипломатии.

Содержание статей О. А. Гриневского и А. М. Филитова позволяет составить представление о такой форме многосторонней дипломатии, как международные конференции с участием делегаций разных стран, посвященные переговорам по актуальным политическим проблемам. В частности, Филитовым уделено внимание малоизученной в российской историографии Женевской конференции министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции 1959 г., на которой обсуждался германский вопрос с участием представителей двух германских государств. Автор полагает, что обсуждение на различных форумах тех или иных аспектов германского вопроса – от его возникновения с началом Второй мировой войны и до окончательного решения в конце холодной войны – явилось ярким примером многосторонней дипломатии. Но специфика «Женевы-59» состояла в том, что на этой конференции германский вопрос обсуждался комплексно, в увязывании кризисной ситуации вокруг Западного Берлина с судьбой Германии в целом. Опираясь в своем исследовании на впервые вводимые в научный оборот документы из российских и германских архивов, Филитов рассматривает все этапы работы конференции и приходит к заключению, что многосторонняя дипломатия в ходе «Женевы-59» не оправдала надежд советской стороны, сделавшей затем ставку на двусторонние переговоры Н. С. Хрущева с Д. Эйзенхауэром.

В статье известного дипломата О. А. Гриневского, возглавлявшего советскую делегацию на конференции по мерам доверия и безопасности в Европе, которая проходила в Стокгольме в 1984–1986 гг., рассматривается сложный процесс многосторонних переговоров с участием 35 государств. Автор уделяет много внимания острым дискуссиям по ряду вопросов (обмен информацией, уведомление, инспекции и др.) и выработке компромиссных решений по политическим и военным мерам доверия. Он подробно рассматривает, как происходил поворот в настроениях М. С. Горбачева и Политбюро в пользу принятия в 1986 г. директив, разрешавших советской делегации занять на Стокгольмской конференции позиции, которые давали возможность договориться по нерешенным вопросам. По мнению автора, результаты многосторонней Стокгольмской конференции явились первым шагом на пути к прекращению холодной войны и перестройки международных отношений.

Еще одной формой многосторонней дипломатии, возникшей в годы холодной войны, которая изучена авторами сборника, является тесное экономическое и политическое сотрудничество государств западного блока, обусловленное совпадением их национальных интересов на постоянной основе. В статье В. В. Пановой речь идет о предпосылках создания в 1975 г. и о последующем функционировании неформального механизма «Группы семи» в составе Великобритании, Германии, Италии, Канады, Франции, США и Японии. Среди ряда причин создания «семерки» Панова особо выделяет энергетический кризис, последовавший вслед за эмбарго, введенного арабскими странами-членами ОПЕК в октябре 1973 г.; необходимость координации политики ведущих индустриальных стран в отношении основного политического соперника – СССР и советского блока; укрепление влияния стран «третьего мира». В статье рассмотрены эволюция повесток дня на саммитах «семерки» в связи с изменениями международного климата и экономической конъюнктурой, разногласия участников и поиски консенсуса. Специально выделен вопрос об отношении «Группы семи» к экономической помощи СССР в период горбачевской перестройки. Отмечены изменения в «семерке» после окончания холодной войны.

Статья С. В. Уткина ставит целью изучение процесса политической интеграции стран Западной Европы с конца 1960-х гг. Автор рассматривает эволюцию механизма Европейского политического сотрудничества (ЕПС) в виде регулярных встреч министров иностранных дел и работы сопровождающих их дополнительных структур. Уткин показывает, как первоначально четкое разграничение функционирования ЕПС и системы Европейского экономического сообщества постепенно гармонизировалось, что однако не свидетельствовало о слиянии политической и экономической систем европейской интеграции в целях формирования общей внеш-

ней политики стран-участниц. Процесс относительной конвергенции ЕПС и ЕЭС нашел свое выражение в подписании в 1986 г. Единого Европейского акта, предусматривавшего создание Секретариата ЕПС в Брюсселе. Проанализировав случаи результативного сотрудничества стран ЕЭС в области внешней политики, автор приходит к заключению о невысоких достижениях ЕПС в кризисной дипломатии, за исключением реакции на террористические атаки середины 1980-х гг. Вместе с тем, он подчеркивает важность внешнеполитического взаимодействия стран ЕЭС, являвшегося частью европейского интеграционного процесса.

Роль общественных движений и организаций как своеобразной формы многосторонней дипломатии рассмотрена в статье Н. И. Егоровой, посвященной Движению сторонников мира с середины 1950-х до начала 1960-х гг. Автор подчеркивает, что в деятельности Всемирного Совета Мира, его Секретариата (как международных организаций), а также национальных комитетов защиты мира и примкнувших к ним других миролюбивых сил, не придерживавшихся левых взглядов, находило свое выражение многостороннее взаимодействие различных социально-политических кругов стран Запада и Востока, а также «нейтралов», объединенных общей целью отстаивания дела мира в ядерный век. Опираясь на широкий круг рассекреченных документов российских архивов, Егорова исследует причины кризиса этого вида «народной дипломатии» на фоне появления параллельных движений миролюбивых сил, а также выявляет степень влияния мирового общественного мнения на принятие политическими лидерами решений в области разоружения.

В статье А. С. Стыкалина поднимается дискуссионный вопрос о возможности рассмотрения деятельности созданного в 1947 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформа) в качестве специфического проявления многосторонней дипломатии. Автор полагает, что такая постановка вопроса является вполне корректной. Будучи инструментом централизации коммунистического движения, Коминформ отличался многосторонностью связей и часто использовался для координации ряда внешнеполитических акций своих членов (например, противодействия «плану Маршалла») и для определенных целей внешней политики СССР (в частности, во взаимоотношениях с Югославией). Привлекая новые архивные документы, Стыкалин сосредотачивает внимание на выявлении причин застоя в деятельности Коминформа с начала 1950-х гг. и на всестороннем рассмотрении мотивов его роспуска в 1956 г. Во взаимосвязи с событиями в Польше и Венгрии 1956 г., сложными отношениями СССР с Югославией и Китаем в статье также прослеживается формирование новых механизмов взаимодействия компартий социалистических и капиталистических стран. Ими становились периодически созываемые международные совещания компартий, которые расценивались как более гибкая модель обеспечения многосторонних межпартийных связей.

Завершает сборник статья В. Л. Малькова о современных тенденциях в западной историографии холодной войны, признающей многообразие расколотого на два лагеря послевоенного мира. Центральное место в статье отведено опубликованным в 2007 г. «Дневникам» известного американского историка и политического деятеля А. М. Шлезингера-младшего. Мальковым отмечено критическое отношение их автора к ряду внешнеполитических действий США в годы холодной войны, выделение им роли личности в политике (особенно Дж. Кеннеди), но главное – акцент на многомерности мира, на наличии «третьей» силы в кажущейся биполярности международной системы. По мнению Малькова, оценки Шлезингером ключевых моментов в истории послевоенных международных отношений позволяют лучше увидеть главную тенденцию в эволюции лево-либеральной исторической мысли в США: понимании холодной войны не как противостояния двух сверхдержав и блоков, а как «пространства времени», расщепленного на множество форм, участников (бывших колоний, «неприсоединившихся» стран), региональных центров силы, международных организаций. В числе последователей концепции холодной войны как «пространства времени» Мальков называет британских историков Э. Хобсбаума и Н. Фергюсона. И хотя они по разному воплотили ее в своих истори-

ческих реконструкциях, автор статьи подчеркивает, что их исследования, наряду с откровениями Шлезингера, а также выводами британского профессора военной истории Л. Фридмана, являющегося рецензентом фундаментальной «Кэмбриджской истории холодной войны», свидетельствуют о смене парадигм в интерпретации холодной войны.

Проведенное авторами сборника исследование различных форм многосторонней внешнеполитической деятельности государств в условиях холодной войны, представляет собой начальный этап в разработке этой обширной и сложной темы. Оно показывает необходимость дальнейшего теоретического осмысления самого понятия многосторонняя дипломатия и возможности включения в него других видов взаимодействия субъектов международных отношений как в период конфронтации, так и после окончания холодной войны. Редколлегия и коллектив авторов сборника выражают надежду, что представленная вниманию читателей книга усилит интерес к продолжению изучения поднятых в ней проблем и стимулирует написание новых работ.

И. В. Гайдук, Н. И. Егорова

Гайдук И. В. ООН в 1950 году: от советского бойкота к Корейской войне

В истории Организации Объединенных Наций, воплотившей в себе институциональные формы многосторонней дипломатии, 1950 год отмечен двумя исключительными по своей значимости событиями: бойкотом Советским Союзом Совета Безопасности ООН и участием всемирной организации в войне в Корее на стороне коалиции западных стран. Эти два события тесно взаимосвязаны между собой, ибо не откажись Москва участвовать в заседаниях Совета Безопасности в момент, когда там принималось решение о мерах в связи с вооруженным конфликтом на Корейском полуострове, роль ООН в войне в Корее коренным образом изменилась бы, да и сама война обрела бы совсем иной характер.

Москва объявила о своем бойкоте руководящего органа всемирной организации, ответственного за поддержание мира между государствами в знак протеста против отказа большинства членов Совета Безопасности от признания членства в ООН Китайской Народной Республики (КНР), провозглашенной 1 октября 1949 г., и лишения, в связи с этим, полномочий представителя правительства Гоминдана как одного из постоянных членов Совета Безопасности ООН. Решение об этом советского правительства было доведено до членов Совета Безопасности 13 января 1950 г. постоянным представителем СССР в ООН Я. А. Маликом, который накануне получил директиву советского Политбюро следующего содержания: «Поручить Советскому представителю в Совете Безопасности (т. Малик) заявить в Совете Безопасности, что Советское Правительство поддерживает заявление Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики о незаконности присутствия представителя гоминдановской группы в Совете Безопасности и настаивает на его исключении из Совета Безопасности. В противном случае представитель СССР не будет участвовать в Совете Безопасности»⁹. Тем самым Москва объявляла бойкот Совету Безопасности, до тех пор пока в нем находился представитель Гоминдана.

Этот шаг СССР вызвал настоящий шок у большинства в международной организации. Многие из ее членов, как и генеральный секретарь ООН Трюгве Ли, терялись в догадках, чем руководствовалось советское правительство в своем решении. Ли назвал день 13 января «черным днем» для ООН и в своих мемуарах описывал пессимизм, воцарившийся в стенах ООН. Дело в том, что одновременно с бойкотом Совета Безопасности СССР и его союзники из числа восточноевропейских стран отказались от участия в деятельности и других органов ООН, комитетов и комиссий, что вызывало у представителей западных стран подозрение о решении Кремля совсем покинуть ряды международной организации¹⁰.

Доступные документы из российских архивов не дают возможности выяснить все мотивы, которыми руководствовалась Москва, принимая решение о бойкоте Совета Безопасности. Тем не менее, некоторые соображения, высказанные советскими лидерами в беседах и переписке со своими зарубежными коллегами, позволяют сделать некоторые выводы на этот счет. Например, встречаясь с руководителем КНР Мао Цзедунем, находившимся в Москве с официальным визитом, в тот же день, когда Малик покинул зал заседаний Совета Безопасности, министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский признал, что отказ Советского Союза от участия в работе ведущего органа международной организации «фактически ведет дело к развалу ООН»¹¹. Отвечая на вопрос Мао, заинтересованы ли американцы и англичане в сохра-

⁹ Протокол Политбюро № 72, 7 января 1950 // Российский Государственный Архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 162. Д. 43. Л. 6.

¹⁰ *Trygve Lie. In the Cause of Peace: Seven Years with the United Nations.* N.Y., 1954. P. 253.

¹¹ Запись беседы А. Я. Вышинского с Мао Цзедунем, 13 января 1950 г // Русско-китайские отношения в XX веке. Доку-

нении организации, Вышинский высказал уверенность в этом, потому что, по его мнению, распад ООН привел бы к разоблачению их агрессивных планов и замыслов и лишил бы их важного инструмента влияния на мировое общественное мнение. Из аргументов Вышинского следует, что советское руководство полностью осознавало возможные последствия своего решения о бойкоте ООН и было готово к наихудшему развитию событий для этой организации.

Требуется выяснения вопрос, в какой степени Китай служил инструментом в осуществлении планов Москвы в отношении ООН. Пекин на раннем этапе существования КНР согласовывал каждый свой шаг на международной арене с советским руководством. Иллюстрацией может служить упомянутая беседа между Вышинским и Мао Цзедунем, во время которой советский министр выдвинул предложение китайскому руководителю назначить своего представителя в ООН, с тем чтобы поставить решение китайского вопроса на практический уровень. Мао не проявил большого энтузиазма, выразив сомнение в том, будет ли таким образом найдено решение проблемы в то время, когда большинство членов организации были против членства КНР. В этих условиях, рассуждал Мао, «назначенный нами делегат окажется лишенным легальных полномочий и вынужден будет оставаться в Пекине».

Тем не менее, Москва настаивала на своем. Во время одной из следующих бесед с китайским руководителем этот же вопрос был поднят В. М. Молотовым, являвшимся заместителем Сталина и вторым после него человеком в области советской внешней политики. Молотов опять высказал пожелание, чтобы назначение китайского представителя в ООН произошло в наикратчайшие сроки. Когда Мао сослался на необходимость проконсультироваться с Чжоу Эньлаем по этому вопросу, заместитель Сталина предложил воспользоваться спецсвязью, чтобы ускорить дело¹². Результатом этой беседы стало письмо Чжоу Эньлая Трюгве Ли, отправленное 19 января, в котором генеральный секретарь ООН информировался о назначении правительством КНР постоянного представителя в ООН. Таким образом, Москве удалось добиться удовлетворения своего пожелания.

Тревога в связи с ситуацией, создавшейся в Организации Объединенных Наций в результате советского бойкота, заставила генерального секретаря организации Трюгве Ли приняться за поиски путей разрешения проблемы. 20 января 1950 г. он заявил на пресс-конференции, что «акции ООН опустились до самого низкого уровня» в результате споров по поводу представительства Китая и что организация «не должна пострадать от этой “политической баталии”»¹³. В ходе беседы с государственным секретарем США Д. Ачесоном и его советниками Ли обсуждал мотивы советского шага и пути поиска решения кризиса в ООН. Он был даже готов немедленно отправиться в Москву, если бы это помогло улучшить ситуацию¹⁴.

Хотя на момент беседы у него и были некоторые сомнения, принесет ли эта поездка желаемые результаты, по происшествии времени Ли утвердился в желании встретиться с советскими лидерами лицом к лицу и обсудить с ними проблемы ООН, а также другие вопросы отношений Востока и Запада и роль международной организации в ослаблении напряженности в этой сфере. Уже в конце февраля одна шведская газета сообщила, что генеральный секретарь ООН готовится к посреднической миссии и планирует весной посетить в связи с этим некоторые европейские столицы с целью пропаганды идеи конференции великих держав. Эти слухи получили подтверждение в середине апреля, когда о предстоящей поездке Ли в Европу было объявлено публично с уточнением, что маршрут его визита включает и столицу СССР¹⁵. Ли подготовил с этой целью так называемую программу мира, состоявшую из десяти пунктов и

менты и материалы. Том V: 1946 – февраль 1950 / Под ред. С. Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2005. Книга 2. С. 262.

¹² Запись беседы В. М. Молотова и А. Я. Вышинского с Мао Цзедунем, 17 января 1950 г // Там же. С. 266.

¹³ Foreign Relations of the United States 1950. Vol. II: The United Nations; The Western Hemisphere. Washington, 1976. P. 200.

¹⁴ Memorandum of Meeting in the Office of the Secretary of State, January 21, 1950 // Ibid. P. 205–207.

¹⁵ Barros J. Trygve Lie and the Cold War: The UN Secretary-General Pursues Peace, 1946–1953. DeKalb (Ill.), 1989. P. 238.

рассчитанную на двадцать лет. Он собирался пропагандировать эту программу во время своих встреч с мировыми лидерами как средство на пути к всеобщему миру.

Во главе списка мер, предусматриваемых генеральным секретарем ООН стояли периодические заседания Совета Безопасности на высшем уровне, созываемые в соответствии со статьей 28 Устава ООН. Программа также включала создание международного контроля за атомной энергией; контроль за ядерными и обычными вооружениями; соглашение о предоставлении в распоряжение Совета Безопасности вооруженных сил в соответствии со статьей 43 Устава международной организации; проведение в жизнь принципа универсальности членства в ООН; программу оказания технической помощи в развитии стран и другие меры, призванные повысить эффективность деятельности ООН и создать благоприятную атмосферу в ее рядах¹⁶.

Начиная с февраля, когда эта программа была задумана, она подверглась нескольким переработкам, а затем прошла обсуждение в руководстве Секретариата ООН¹⁷. Следующим шагом Ли было его решение встретиться с президентом США Г. Трумэн и обсудить с ним предлагаемую программу. Обращаясь к американскому представителю в ООН У. Остину с просьбой об организации такой встречи, Ли заверил, что планирует короткую, пятнадцатиминутную беседу, «с тем, чтобы он мог объяснить президенту свои взгляды на создающуюся ситуацию в ООН». Сообщая о просьбе Ли своему руководству, Д. Хикерсон, помощник госсекретаря по делам ООН, высказывал мнение, что «риск, связанный со встречей Ли с президентом накануне его поездки в Европу, в ходе которой он может посетить и Москву уравновешивается выгодами, которые можно будет получить от предоставления Ли такой возможности»¹⁸.

Встреча между Трумэном и Ли состоялась 20 апреля. Во время беседы Ли обратил внимание американского президента, что успех в реализации его программы зависит от решения китайского вопроса. Он высказал подозрение, что Сталин неверно информирован о политике и намерениях Вашингтона и что встреча между Сталиным и Трумэном могла бы существенно изменить ситуацию. Рассуждения генерального секретаря ООН не произвели на Трумэна никакого впечатления. Он напомнил собеседнику, что уже встречался со Сталиным в Потсдаме в 1945 г. Он приехал в Германию с намерением урегулировать проблемы, но полученный опыт заставляет его сомневаться в полезности такого рода встреч. Он был бы рад пригласить Сталина в качестве гостя в США, но сам не собирается никуда ехать, чтобы встретиться с советским лидером. Присутствовавший на встрече Ачесон добавил, что характер трудностей в отношениях между Вашингтоном и Москвой таков, что «повышение уровня переговоров не приведет к каким-либо результатам»¹⁹. Из содержания беседы между Трумэном и Ли становится очевидным, что ее едва ли можно было охарактеризовать как достаточно продуктивную.

Результаты встреч Ли в Лондоне и Париже во время его поездки по Европе также оставляли желать лучшего. Так что генеральный секретарь ООН приехал в Москву, не получив поддержки своим предложениям на Западе. Что касается советского руководства, то оно уже было информировано о содержании программы мира, которую привез с собой Ли. Москва получила сведения о ней от своего представителя в ООН Я. А. Малика за две недели до визита Ли в советскую столицу. В сопроводительном письме Малик обращал внимание на тот факт, что в подготовке проекта программы активное участие принимали заместители генерального секретаря ООН Э. Кордые и Э. Феллер, оба американцы. Поэтому неудивительно, считал Малик, что он отражает «в основном позицию, цели и намерения США в отношении вопросов, изло-

¹⁶ Полный текст меморандума Трюгве Ли см. в: Public Papers of the Secretaries-General of the United Nations. Vol. I: Trygve Lie 1946–1953 / Ed. by A.W. Cordier and W. Foote. N.Y., 1969. P. 296–303.

¹⁷ Barros J. Op. cit. P. 239.

¹⁸ Hickerson to James Webb, Undersecretary of State, April 17, 1950 // National Archives of the United States (далее: USNA). RG 59. Lot file 55D429. Box 13.

¹⁹ FRUS 1950. Vol. II. P. 373.

женных в нем»²⁰. Хотя сам по себе этот факт не сулил ничего хорошего для Ли с точки зрения Кремля, Политбюро приняло решение дать положительный ответ на просьбу Ли о визите в СССР и планировало организовать его прием Сталиным и Молотовым²¹.

Ли прибыл в Москву 11 мая 1950 г. В аэропорту его встречал заместитель министра иностранных дел АА. Громыко. Западные наблюдатели обращали внимание на отсутствие сообщений о визите в советской прессе, а также на тот факт, что характер приема и условия, предоставленные Ли во время его пребывания в Москве, свидетельствовали о том, что советское руководство явно не придавало визиту большого значения²². Первая беседа состоялась у Ли с Вышинским на следующий день после приезда. Генсек ООН высказывал свои опасения, что холодная война может перерасти в горячую и сообщал детали обсуждения в ООН вопроса о представительстве Китая, критикуя американцев, которые, по его словам, «предали его», вмешиваясь в переговоры Ли с другими членами Совета Безопасности²³. Касаясь бойкота СССР, Ли заявил, что он не верит в эффективность бойкотов, которые мешают ему в стремлении найти решение существующих проблем. Затем он поднял вопрос о своем меморандуме, содержащем программу мира, который, по его словам, не является официальным предложением. Это скорее, как он выразился, «мысли вслух», циркулирующие в стенах Секретариата ООН. Упомянув, что он передал меморандум лидерам западных стран, Ли заговорил о недостатке доверия между ними и Москвой и попросил у Вышинского совета, как восстановить атмосферу доверия между великими державами. В связи с этим Вышинский заметил, что все разговоры о недостатке доверия используются для того, чтобы оправдать западную политику холодной войны в отношении СССР и в доказательство привел примеры создания НАТО и других подобных агрессивных пактов и союзов, «участие в которых несовместимо с участием в ООН и не может способствовать укреплению доверия»²⁴.

Несколькими днями позже генерального секретаря ООН принял Сталин. Беседа, в которой также участвовали Молотов и Вышинский, состоялась вечером 15 мая. Сталин начал ее с того, что информировал гостя, что пригласил Молотова, потому что тот «является специалистом по вопросам ООН»²⁵, одна из тех странных сталинских ремарок, которые были предназначены больше для собственных подчиненных, нежели для иностранных гостей. Ли, пришедший на прием без сопровождения кого-либо из собственных помощников, пустился в долгие объяснения цели своего визита и существа предлагаемой им программы мира. Он напомнил собеседнику, что никогда не наносил ущерба Советскому Союзу и делал все возможное, чтобы положить конец холодной войне. По его мнению, наиболее важным мероприятием, которое могло бы привести к снижению существующей напряженности на международной арене, является встреча лидеров великих держав. Ссылаясь на свою беседу с Трумэнном, Ли признал, что ответ американского президента не нес в себе практического содержания и что он также не встретил положительной реакции на свои предложения ни в Лондоне, ни в Париже.

Сталин тоже не проявил энтузиазма в отношении идеи о встрече на высоком уровне, высказав мнение, что для успеха такой встречи нужно проделать большую предварительную работу. Ли ухватился за это замечание вождя, чтобы перейти к своей двадцатилетней про-

²⁰ Малик – Вышинскому, 25 апреля 1950 г. // Архив внешней политики РФ (далее: АВП РФ). Ф. 07. Оп. 23. П. 36. Д. 71. Л. 11.

²¹ Вышинский – Сталину с приложением проекта решения Политбюро, б/д. // Там же. Оп. 23-а. П. 4. Д. 37. Лл. 1, 3.

²² *Barros J.* Op. cit. P. 242.

²³ Из дневника А. Я. Вышинского. Прием Генерального секретаря ООН Трюгве Ли, 12 мая 1950 // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23-а. П. 4. Д. 37. Л. 12.

²⁴ Из дневника А. Я. Вышинского. Прием Генерального секретаря ООН Трюгве Ли, 12 мая 1950 // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23-а. П. 4. Д. 37. Л. 15.

²⁵ Прием товарищем И. В. Сталиным Генерального секретаря ООН Трюгве Ли, 15 мая 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 353. Л. 23.

грамме мира, реализация которой и могла бы способствовать, по его мнению, успеху встречи лидеров великих держав. В этот момент в разговор вступил Молотов, который заявил, что программа Ли имеет тенденциозный характер и защищает точку зрения американского правительства. «Можно было бы взять любой пункт меморандума, – бросил он в лицо Ли, – и убедиться в том, что он излагает скорее американскую точку зрения, чем ту точку зрения, которая могла бы служить основой для соглашения»²⁶. Ли, не ожидавший такого обвинения, попытался в качестве аргумента в свою защиту сослаться на критику меморандума со стороны китайских националистов, американцев и других представителей западного лагеря, но Молотов стал разбирать меморандум по пунктам, чтобы доказать свою правоту. Он завершил свой разбор выводом, что «меморандум Ли – это однобокий документ и в той форме, какую он имеет сейчас, он в значительной мере направлен против Советского Союза и выражает по ряду вопросов американскую точку зрения. Именно такое впечатление остается от меморандума», – заключил Молотов²⁷.

В ответ на такую критику Ли смог лишь произнести: «Что я могу сказать?» Сталин же, который в этой беседе играл роль «добротного полицейского» и не перебивал Молотова, напомнил Ли, что посредник всегда получает удары с обеих сторон, и выразил надежду, что Ли учтет критику при подготовке окончательного текста своей программы. Вождь заявил, что генеральный секретарь международной организации должен встать на защиту прав ООН, нарушаемых некоторыми ее членами. Когда же Ли, на вопрос Молотова, готовы ли США к компромиссу с СССР, выразил сомнение в этом, Сталин закончил беседу словами: «Тогда ничего не выйдет»²⁸.

Трюгве Ли был явно расстроен результатом этой встречи. Тем не менее, он постарался не показать вида и, делаясь впечатлениями о беседе со своим заместителем К. Е. Зинченко, представлявшим в Секретариате ООН Советский Союз, выразил уверенность в доброжелательном отношении в Кремле к идее встречи на высшем уровне. По его мнению, Сталин даже не возражал против своей поездки с этой целью в Вашингтон. В подтверждение этого Ли ссылаясь на реплику вождя о том, что подготовка к встрече имеет большее значение, чем вопрос о месте ее проведения²⁹. Но несмотря на стремление выдать желаемое за действительное, Ли признавал, что визит в Москву не принес ему ожидаемых результатов. Вскоре же не только его программа мира, но и он сам оказался под огнем критики со стороны Москвы в связи с позицией, занятой им в отношении конфликта на Корейском полуострове.

Война в Корее остается наиболее неоднозначным эпизодом истории ООН. И сегодня не существует единой точки зрения в отношении роли международной организации в этой войне. Американский исследователь П. Кеннеди в своей книге, посвященной ООН, называет Корейскую войну «самой значительной из всех предпринятых ООН операций по восстановлению мира»³⁰ и первым знаменательным событием в истории организации. Автор другой книги по истории ООН И. Луард считает принятие резолюции Совета Безопасности, одобрявшей участие ООН в войне, «главным событием истории ООН». «Впервые, – пишет он в своей работе, – ООН обратилась к членам организации с призывом выступить в защиту государства, подвергшегося нападению. Это был классический пример претворения в жизнь принципа коллективной безопасности»³¹.

---

²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 353. Л. 23.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 353. Л. 25.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 353. Л. 31.

²⁹ Запись беседы К. Е. Зинченко с Трюгве Ли, б/д (16 мая 1950 г.) // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23-а. П. 4. Д. 37. Л. 5-6.

³⁰ Kennedy P. The Parliament of Man: The United Nations and the Quest for World Government. L., 2006. P. 56.

³¹ Luard E. A. History of the United Nations. Vol. 1: The Years of Western Domination, 1945-1955. L., 1982. P. 242.

Российский исследователь Ю. В. Ванин придерживается, однако, противоположной точки зрения. «Уникальность ситуации 1950–1953 гг. в том, – пишет он во вступлении к своему исследованию о роли ООН в Корейской войне, – что ООН не только стала основным инструментом превращения локального внутреннего конфликта в международный, но и сама оказалась в полной мере втянутой в Корейскую войну. ООН – воюющая сторона! Такого не было за всю историю существования этой организации, призванной как раз предотвращать войны, устранять угрозу разрастания конфликтов, обеспечивать мир, безопасность и суверенные права народов»³². Этот критический подход к роли ООН очевиден на протяжении всей его книги.

Вызывает удивление, что несмотря на доступность значительного количества документов, связанных с войной в Корее, включая и документы из российских архивов, которые были рассекречены в последние годы и которые ясно свидетельствуют, что именно северокорейский режим начал военные действия, нарушив границу по 38-й параллели, разделившую страну после окончания Второй мировой войны на две части, некоторые российские историки продолжают сомневаться в том, что послужило началом войны³³. Они ссылаются на растущее число провокаций, имевших место на границе между Севером и Югом после вывода с Корейского полуострова советских и американских оккупационных войск в 1948–1949 гг. Лидеры противостоявших друг другу режимов в обеих частях Кореи не переставали выступать с призывами к объединению страны даже и при помощи оружия и разрабатывать планы вторжения. В результате этого, напряженность вдоль границы между Севером и Югом была такова, что любой инцидент мог вызвать полномасштабные военные действия. Именно это и случилось, как пишет Ванин, 25 июня 1950 г., когда северокорейская армия отразила вторжение вооруженного контингента Южной Кореи и продолжила его преследование на южнокорейской территории³⁴.

Даже если принять эту версию событий, трудно не считаться с тем фактом, что к тому времени Корейская Народная Армия (КНА) уже была полностью подготовлена к вторжению, с учетом в том числе и той помощи, которую оказывал северокорейскому режиму Советский Союз. Более того, во время переговоров в Москве с лидером Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) Ким Ир Сенем в апреле 1950 г. Сталин дал окончательное добро на вторжение и тем самым отказался от своих прежних доводов, основывавшихся на неверии в возможность объединения Кореи вооруженным путем под властью коммунистического режима³⁵. Даже принимая во внимание тот факт, что советский лидер сделал согласие Пекина одним из условий начала вторжения, сталинское одобрение – это то, чего добивался Ким Ир Сен для осуществления своих планов объединения Кореи.

Как только сообщение о начале военных действий на Корейском полуострове достигло Вашингтона, администрация Трумэна решила обратиться в Совет Безопасности ООН с целью получения поддержки мирового сообщества своим действиям по отражению того, что американские руководители считали агрессией и открытым нарушением Устава ООН. Государственный департамент США известил генерального секретаря ООН Трюгве Ли о северокорейском вторжении и потребовал срочного созыва Совета Безопасности ООН. По мнению американского историка Р. Байснера, госсекретарь США Д. Ачесон стремился получить санкцию ООН действиям, которые США предприняли бы в любом случае. Однако с поддержкой междуна-

---

³² Ванин Ю. В. Корейская война (1950-1953) и ООН. М., 2006. С. 6.

³³ Торкунов А. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950-1953. М., 2000. Преди словие.

³⁴ Ванин Ю. В. Указ. соч. С. 76. В защиту этой точки зрения Ванин ссылается на воспоминания советских корейцев, которые занимали влиятельные позиции в северокорейских руководящих структурах накануне войны.

³⁵ Торкунов А. В. Указ. соч. С. 58.

родной организации эти действия приобретали характер многосторонней операции, что было встречено с одобрением американскими союзниками³⁶.

Но если причины обращения США в ООН с целью отражения агрессии Северной Кореи против Юга достаточно очевидны, то продолжавшийся бойкот Советским Союзом Совета Безопасности даже после того, как там была принята первая резолюция, обвинявшая КНДР в нарушении мира, вызывает недоумение. В своих мемуарах А. А. Громыко, в то время заместитель министра иностранных дел СССР, пишет, что он безуспешно пытался убедить Сталина разрешить советскому представителю вернуться в Совет Безопасности с тем, чтобы предотвратить принятие Советом решений против Северной Кореи³⁷. 27 июня, как раз накануне нового заседания, на котором была принята вторая резолюция, одобрявшая военные меры по отражению агрессии, генеральный секретарь ООН Ли вместе с заместителем американского представителя в Совете Безопасности Ч. Россом встретили Малика за обедом и между ними состоялся разговор по поводу событий на Корейском полуострове. Малик критиковал резолюцию от 25 июня, называя ее односторонней и незаконной ввиду отсутствия на заседании Совета Безопасности двух постоянных членов – СССР и народного Китая. Тогда Ли пригласил Малика принять участие во втором заседании, которое должно было начаться сразу после обеда. Если бы советский дипломат согласился, неизвестно, какова была бы история этого конфликта, так как Малик наверняка бы наложил вето на любое решение, не соответствующее интересам Москвы. Как вспоминает Росс, Ли мог испортить все дело, и у американца было сильное желание «дать ему тумака»³⁸. Но, как бы там ни было, Малик отказался и тем самым спас для американцев задуманную ими операцию по отражению агрессии в Корее под эгидой ООН.

Упорство Москвы удивляло не только Запад. Союзники СССР тоже задавались вопросом о целесообразности продолжения политики бойкота в условиях конфликта в Корее. Президент Чехословакии К. Готвальд, например, выражал свои сомнения по этому вопросу во время беседы с советским послом, содержание которой очевидно было передано Сталину. Как ни странно, прошел целый месяц, прежде чем советский диктатор направил разъяснения по существу высказанных Готвальдом замечаний. Это произошло уже после того, как СССР вернулся в Совет Безопасности, чтобы потом уже никогда не покидать его. Разъяснения Сталина оставляют впечатление достаточно неубедительной попытки оправдать политику Москвы в ООН в решающие месяцы развития конфликта. Среди причин продолжения бойкота советский вождь называет уже упоминавшееся им ранее стремление отстоять интересы КНР в международной организации, а также желание «развязать руки американскому правительству и дать ему возможность, используя большинство в Совете Безопасности, – совершить новые глупости с тем, чтобы общественное мнение могло разглядеть подлинное лицо американского правительства»³⁹. В результате своей политики, как полагал Сталин, США оказались вовлеченными в вооруженный конфликт в Корее и тем самым подорвали свой военный и моральный престиж.

Среди соображений, легших в основу советской позиции в июне-июле 1950 г., Сталин также называет необходимость отвлечения внимания американцев от Европы, ослабление США, с тем чтобы предотвратить опасность развязывания третьей мировой войны и стимулирование революционно-освободительных процессов в Азии. Ввиду всех этих соображений, делал вывод Сталин, мы не можем сказать, что коммунистам не надо было покидать Совет Безопасности. «Мы можем еще раз уйти из Совета Безопасности и еще раз вернуться, в зави-

---

³⁶ *Beisner R. Dean Acheson: A Life in the Cold War. Oxford, 2006. P. 339.*

³⁷ *Громыко А. А. Памятное. В 2-х кн. М., 1988. Кн. 1. С. 206–207.*

³⁸ *Beichman A. The “Other” State Department: The United States Mission to the United Nations – Its Role in the Making of Foreign Policy. N.Y., 1967. P. 185.*

³⁹ *Ледовский А. М. Сталин, Мао Цзедун и корейская война 1950–1953 гг // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 96–97.*

симости от международной обстановки»⁴⁰. Таким образом, советский вожь оправдывал то, что многими рассматривалось как серьезный просчет Москвы⁴¹.

Впрочем, некоторые историки на Западе видят в позиции, занятой Москвой летом 1950 г., несколько большее, чем просто ошибку. Например, автор дипломатической истории корейской войны У. Стьюк высказывает следующее соображение: «В атмосфере неопределенности, созданной вторжением Северной Кореи, Сталин принял решение против возвращения СССР в Совет Безопасности с целью блокирования усилий США по вовлечению этого органа в конфликт на стороне РК (Республики Корея, Южной Кореи – И.Г.). Представляется возможным, что он даже хотел, чтобы американская интервенция в Корее состоялась под эгидой ООН, с тем чтобы снизить вероятность официального объявления войны Вашингтоном, что в будущем могло привести к вступлению в силу советско-китайского договора (о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанного в феврале 1950 г. – И.Г.) и прямому участию СССР в войне»⁴². Иными словами, Сталин видел в участии ООН в корейской войне своего рода гарантию против прямого советско-американского столкновения.

Распространялось ли предвидение Сталина так далеко, остается в разряде предположений. Но не вызывает сомнения, что ООН в войне в Корее сыграла роль буфера между двумя сверхдержавами. Не только Кремль должен был считаться с тем, что в этом вопросе он имеет дело не с одними США, а с целым международным сообществом, но и Вашингтону приходилось учитывать мнение союзников по коалиции, большая часть которых была настроена в пользу скорейшего урегулирования конфликта и чья позиция не раз служила сдерживающей силой против временами не в меру воинственного настроения американской администрации. Уже в первые дни конфликта, например, британские и индийские дипломаты предприняли попытку договориться в Москве о восстановлении *status quo ante* в Корее.⁴³

Несмотря на то, что Вашингтон отверг мирные инициативы Лондона и Дели, американская администрация все-таки приняла во внимание рекомендации своего посла в Москве Алана Кирка «избегать формального отождествления СССР с Северной Кореей, чтобы облегчить Советам возможность дистанцироваться от северных корейцев» в случае, если наступление последних будет успешно отражено⁴⁴. Как пишет Р. Байснер в своей биографии Ачесона, «держа дверь приоткрытой для возможного отступления Сталина (а потом и Мао), Вашингтон никогда не ставил под сомнение сталинские лживые опровержения о присутствии советских военных в Корее или утверждения Мао, что только китайские “добровольцы” принимают участие в войне»⁴⁵. Президент Трумэн в своей памятной записке, направленной в Москву 27 июня, выразил желание Вашингтона избежать военной конфронтации между двумя великими державами в связи с конфликтом в Корее и предотвратить его распространение на другие регионы. Памятная записка не содержала каких-либо обвинений в адрес СССР в связи с нападением Северной Кореи и призывала Кремль к оказанию добрых услуг в убеждении Пхеньяна прекратить агрессию⁴⁶.

⁴⁰ Ледовский А. М. Сталин, Мао Цзедун и корейская война 1950–1953 гг // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 97.

⁴¹ Ю. В. Ванин, например, считает продолжение Москвой бойкота Совета Безопасности в условиях военных действий в Корее «грубой ошибкой советской внешней политики». См.: Ванин Ю. В. Указ. соч. С. 118.

⁴² Stueck W. The Korean War: An International History. Princeton, 1995. P. 44.

⁴³ О роли Великобритании в этой и других мирных инициативах в годы корейской войны см.: Docrill M. L. The Foreign Office, Anglo-American Relations and the Korean War, June 1950–June 1951 // International Affairs. Vol. 62. N 3 (Summer, 1986). P. 459–476.

⁴⁴ Kirk to the Secretary of State, June 26, 1950 // Foreign Relations of the United States 1950. Vol. VII: Korea. Washington, 1976. P. 169.

⁴⁵ Beisner R. Op. cit. P. 336.

⁴⁶ Заявление Г. Трумэна опубликовано в: U.S. Department of State. United States Policy in the Korean Crisis. Washington, 1950. P. 63.

Москва, однако, оставалась приверженной позиции, сформулированной в заявлении АА. Громько от 4 июля 1950 г. В этом заявлении СССР не признавал законность резолюций Совета Безопасности ООН по Корее, обвинял США в агрессии и настаивал на той точке зрения, что конфликт в Корее является гражданской войной и, стало быть, внутренним делом государства, вмешательство в которое запрещено ООН ее уставом. В качестве аналогии заявление приводило пример гражданской войны между Севером и Югом в США в XIX в.⁴⁷

Но наиболее острой критике в советском заявлении была подвергнута Организация Объединенных Наций и ее генеральный секретарь. В заявлении утверждалось, что американское давление превратило ООН в «своего рода филиал Государственного Департамента США», послушное орудие американских правящих кругов. По мнению Москвы, прежде чем принимать резолюцию, санкционировавшую вмешательство ООН в конфликт в Корее, Совет Безопасности и генеральный секретарь организации должны были предпринять попытку примирения воюющих сторон. Такой попытки сделано не было. Вместо этого, генеральный секретарь ООН Трюгве Ли «услужливо помогал грубому нарушению Устава со стороны правительства Соединенных Штатов и других членов Совета Безопасности». Тем самым, гласило заявление, генеральный секретарь продемонстрировал, что он озабочен не столько укреплением ООН, сколько оказанием помощи правящим кругам США в их агрессивных планах в отношении Кореи⁴⁸. Эта критика знаменовала для Ли, отказавшегося от своей прежней политики посредничества между Востоком и Западом и занявшего сторону США в корейском вопросе, окончательную утрату доверия со стороны советских руководителей.

Несмотря на критику ООН и нерешенность вопроса о представительстве Китая в организации, советское руководство считало возможным прекратить бойкот Совета Безопасности и возобновить участие в его работе, с тем чтобы, по словам Сталина из его разъяснений Готтвальду, «продолжить разоблачение агрессивной политики американского правительства и помешать ему прикрывать свою агрессию флагом Совета Безопасности»⁴⁹. Москва приурочила это решение к моменту, когда советский представитель должен был, в силу ежемесячной ротации, занять место председателя в этом руководящем органе ООН. 27 июля Малик информировал Трюгве Ли, что он вернется в зал заседаний Совбеза через пять дней⁵⁰. В своем следующем послании на имя генерального секретаря ООН он предлагал включить в повестку дня первого заседания под своим председательством пункты о признании полномочий представителя КНР и мирном урегулировании корейского вопроса⁵¹.

Как только 1 августа советский представитель занял председательское кресло за столом в зале заседаний Совета Безопасности и открыл 480-е заседание, он сделал попытку переключить внимание Совета с вопроса конфликта в Корее на проблему китайского представительства в ООН. Малик подверг критике позицию ООН в Корее и, по выражению одного из исследователей, «использовал весь набор издевок и откровенных провокаций», принимая в расчет то обстоятельство, что это заседание, как и последующие, транслировалось вживую по радио и телевидению на всей территории США⁵². Британский представитель Г. Джебб так описывал советскую тактику в своих мемуарах: «Было ясно, что одним из главных приемов Малика являлось выдвигание повестки дня, с которой никто (из остальных членов СБ – *И.Г.*) согласиться не мог. Затем в ходе дебатов по вопросу, следует ли принять эту повестку или нет, он произносил часовые речи, разбирая существо каждого нового предлагаемого им пункта. Поскольку все

⁴⁷ Известия. 1950. 4 июля.

⁴⁸ Известия. 1950. 4 июля. См. также: Внешняя политика Советского Союза 1950 год. М., 1953. С. 199.

⁴⁹ Ледовский А. М. Указ. соч. С. 97.

⁵⁰ Malik to the Secretary General, July 27, 1950 // United Nations, Official Document System (ODS), S/1643. <http://documents.un.org/>

⁵¹ Malik to the Secretary General, July 31, 1950 // Ibid., S/1655.

⁵² Bosco D.L. Five to Rule Them All: the UN Security Council and the Making of the Modern World. Oxford, 2009. P. 58.

речи переводились последовательно на два языка, это означало, что мы должны были заканчивать заседание, так и не дойдя до самого голосования по повестке. Таким образом, Малику почти удалось превратить Совет Безопасности в посмешище»⁵³.

Вероятно, намерением Сталина, когда он давал указание прекратить бойкот, и было лишение руководящего органа ООН возможности принимать решения, противоречившие интересам Советского Союза и его союзника КНДР, армия которого вела успешное наступление на юге Корейского полуострова. Резолюции советского Политбюро, принятые в этот период, со всей очевидностью свидетельствуют о стремлении Москвы отвлечь внимание мирового сообщества от ситуации на фронтах Корейской войны, наводнив Совет Безопасности петициями, призывами, обращениями разного рода организаций с требованием мирного урегулирования конфликта. Политбюро, например, поручало министерству иностранных дел СССР «рекомендовать от имени Советского Правительства правительствам Польши, Чехословакии, Китайской Народной Республики, Румынии, Болгарии, Венгрии, Албании, Монгольской Народной Республики направить в адрес Председателя Совета Безопасности и Генерального секретаря ООН телеграммы» в поддержку советской позиции. Эти телеграммы должны быть направлены в разное время, с тем, очевидно, чтобы не создавать впечатление скоординированной акции, и Политбюро определяло порядок направления телеграмм от упомянутых стран. Кроме того, Кремль давал указание Вышинскому и председателю Внешнеполитической комиссии ЦК партии В. Григоряну организовать обращение в ООН от политических, культурных, религиозных и иных общественных организаций разных стран с осуждением американской агрессии в Корею и «варварских бомбардировок» авиацией США мирного корейского населения⁵⁴.

Еще одной целью тактики Москвы в ООН после возвращения в Совет Безопасности было стремление внести раскол в ряды западной коалиции и посеять недоверие к ней со стороны нейтральных стран⁵⁵. Сомнения в правильности позиции Вашингтона существовали среди западных союзников США и представителей таких нейтральных государств, как Индия и Швеция, с самого начала корейской кампании. Уже в период обсуждения первой резолюции по Корею 25 июня 1950 г. некоторые представители в ООН высказывали сомнения в отношении американских оценок конфликта и формулировок, предлагаемых американской администрацией. Как сообщал в Вашингтон Ч. Нойес, советник госдепартамента по делам ООН, ссылаясь на свои встречи и беседы с делегатами других стран, среди последних наблюдалось отрицательное отношение к использованию выражения «акт агрессии». «Существовали также значительные колебания по поводу вопроса, какая из сторон несет ответственность за вторжение», – докладывал американский дипломат⁵⁶. Представители Норвегии и Египта, например, утверждали, что не обладают достаточной информацией, чтобы возлагать ответственность на одну из сторон. Более того, в унисон с мнением Москвы, они даже утверждали, что конфликт носит характер столкновения между самими корейцами и потому подпадает под квалификацию гражданской войны.

По мере развития конфликта и продолжающегося отступления войск западной коалиции перед лицом успешных действий северокорейской армии, росла также критика позиции США и по вопросу представительства Китая. Даже ближайшие союзники Вашингтона англичане были обеспокоены бескомпромиссностью администрации США в данном вопросе, что, по их мнению, вело к дальнейшему отчуждению КНР, которое могло закончиться открытым вовлечением этой страны в военные действия в Корею. В конце августа в своем докладе бри-

⁵³ *Jebb G.* The Memoirs of Lord Gladwyn. N.Y., 1972. P. 235.

⁵⁴ Протокол Политбюро № 77/39, 15 августа 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 30-31.

⁵⁵ *Stueck W.* Op. cit. P. 83.

⁵⁶ Memorandum of conversations by Noyes, June 25, 1950 // FRUS 1950. Vol. VII. P. 144–145.

танскому правительству по вопросам политики Великобритании на Дальнем Востоке министр иностранных дел Соединенного Королевства Э. Бевин доказывал, что американская политика в отношении Китая лишена всякого смысла. По его мнению, такая позиция может нанести вред интересам Запада в регионе и привести к ухудшению отношений с местными режимами. Бевин ставил в известность своих коллег по правительству, что он уже информировал американскую сторону о том, что если на Генеральной Ассамблее или в Совете Безопасности ООН будет поставлен вопрос о приеме КНР в члены международной организации вне связи с войной в Корее, Великобритания поддержит положительное его решение⁵⁷.

Бевин развивал свои аргументы в письме к британскому постоянному представителю в ООН Г. Джеббу В нем он признавал: «Я считаю, что отношение к Китаю таково, что оно заставляет Китай без надобности ненавидеть иностранцев. Мы тем самым платим большую цену». Касаясь перспектив вступления КНР в войну на Корейском полуострове, он писал: «Я иногда думаю, что если бы неприятие со стороны Америки к Китаю не было столь сильным, можно было бы удержать Китай от этого шага. Если бы мы добились этого и сосредоточились на Корее и России, я думаю, мы бы были в лучшем положении, чтобы решать вопрос о Китае»⁵⁸. Бевин даже допускал возможность разногласий между Лондоном и Вашингтоном по вопросам представительства Китая и Тайваню и высказывал надежду на то, что американцев можно будет убедить занять по ним более объективную позицию.

Однако администрация Трумэна оставалась непримиримой в отношении Китая. И это, вне всякого сомнения, сыграло свою роль в последующем согласии Мао Цзедуну на отправку добровольцев в помощь режиму Ким Ир Сена в Корее. А пока и Москва, и Вашингтон готовились к очередной, пятой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая должна была открыться в сентябре в Нью-Йорке. Администрация США вынашивала планы разработки мер против тактики Москвы, направленной на срыв деятельности Совета Безопасности и превращение его в бесполезный рупор пропаганды. Для этого Вашингтон собирался выдвинуть для обсуждения на сессии резолюцию, которая расширяла полномочия Генеральной Ассамблеи в области укрепления мира и безопасности.

Текст предлагаемой резолюции содержал два ключевых пункта: наделение Генеральной Ассамблеи правом незамедлительно заняться обсуждением любого вопроса, по поводу которого не удалось достичь решения в Совете Безопасности вследствие применения одним из постоянных членов права вето, и возможность созыва, с этой целью, чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи в течение двадцати четырех часов по требованию большинства из семи членов Совета Безопасности или большинства членов международной организации. Это американское предложение было логическим завершением усилий Вашингтона, направленных на так называемую либерализацию права вето, то есть ограничение возможности его применения. И госсекретарь США Ачесон надеялся на хорошие шансы одобрения резолюции Вашингтона большинством членов ООН⁵⁹.

Тогда как союзники США встретили новую инициативу с настороженностью, Москва продемонстрировала неожиданную готовность к компромиссу. Политбюро не согласилось с предложением А. Я. Вышинского, возглавлявшего советскую делегацию на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отвергнуть резолюции США целиком и полностью, не предлагая ничего взамен. «Такая только негативная позиция является неправильной, – гласили инструкции, направленные главе делегации СССР из Москвы, – тем более, что против отдельных положений проекта Ачесона не следует возражать». Вместо этого, советское руководство пред-

⁵⁷ *Ovendale R.* Britain, the United States, and the Recognition of Communist China. // *The Historical Journal*. Vol. 26. No. 1 (March, 1983). P. 156–157.

⁵⁸ Bevin to Jebb, personal, August 24, 1950 // Churchill Archives Center (Cambridge, U.K.). Papers of Gladwyn Jebb. GLAD 1/4/2.

⁵⁹ Acheson to the embassy in the United Kingdom, August 23, 1950 // FRUS 1950. Vol. II. P. 322.

лагало согласиться с некоторыми пунктами американской резолюции и внести собственные поправки⁶⁰. Например, советская делегация должна была согласиться с положением о созыве чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи, но при условии, что она созывается по требованию большинства членов ООН, а не семи членов Совета Безопасности. Кремль не возражал и против ряда других положений, такого, например, как создание комитетов по соблюдению мира. В то же время, создание вооруженных контингентов членами организации вызвало решительный протест. Последний случай рассматривался Москвой как покушение на исключительные прерогативы Совета Безопасности.

Вообще, на начальном этапе работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН Москва демонстрировала редкую готовность к компромиссам и договоренностям. Американские наблюдатели отмечали, что делегации СССР и его союзников проявляли сдержанность, и среди участников сессии были такие, которые полагали, что «на повестке дня изменение тактики и даже, возможно, стратегии, если и не базовых целей» советского блока⁶¹. Представители других стран отмечали тот факт, что выступление Вышинского в общих прениях, хотя и содержало некоторые нападки на США, обходило молчанием прежнее требование о выводе американских войск из Кореи как предварительного условия урегулирования конфликта. Там не было открытой критики Трумэна или Ачесона, и сам тон речи выгодно отличался от «воинственной и агрессивной позиции западного блока»⁶².

Подобное «миролюбие», возможно, было связано с тем, что ситуация в войне в Корее к началу работы сессии Генеральной Ассамблеи резко изменилась не в пользу северокорейских сил. К середине сентября западной коалиции удалось не только остановить продвижение Корейской Народной армии (КНА) к югу полуострова, но и перейти в контрнаступление. К концу месяца войска ООН под командованием американского генерала Д. Макарура во взаимодействии с вооруженными силами Южной Кореи освободили весь юг Кореи, и достигли 38-й параллели. С одобрения Вашингтона, 1 октября южнокорейские соединения пересекли границу разделяющую Север и Юг Кореи и продолжили наступление в северной части полуострова. 9 октября к ним присоединились остальные войска западной коалиции. К середине октября сопротивление КНА было практически сломлено. Существование северокорейского режима повисло на волоске. Сталин направил Ким Ир Сену приказ об эвакуации на территорию СССР, пытаясь в то же время убедить Мао Цзедуна прийти на помощь Пхеньяну⁶³.

После долгих колебаний руководство КНР приняло решение направить в Корею под видом «добровольцев» регулярные части Народно-освободительной армии Китая. Фактическое вступление Китая в войну в Корее спасло положение северокорейского союзника СССР и привело к перелому в ходе войны. В конце ноября китайские добровольцы атаковали войска западных союзников силами двадцати шести дивизий. 6 декабря они освободили Пхеньян и скоро очистили от войск ООН всю северную часть полуострова. Развивая наступление на юге, 4 января 1951 г. они захватили Сеул. Ситуация для западной коалиции стала столь катастрофической, что Объединенный комитет начальников штабов США принял решение об эвакуации, «как только станет ясно, что китайские коммунисты намерены полностью вытеснить войска ООН из Кореи»⁶⁴.

⁶⁰ Громыко – Вышинскому, приложение к решению Политбюро протокол № 78/16, 25 сентября 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 141-144.

⁶¹ Harry Howard, United Nations Adviser, to George McGhee, Assistant Secretary of State for Near Eastern, South Asian and African Affairs, March 20, 1951, with the attached "Review of the Fifth Session of the General Assembly with Special Reference to the Near East, South Asia and Africa 1950-1951" // USNA. RG 59. Lot file 82D211. Box 14. Folder "SD/A/202-219".

⁶² Поверенный в делах СССР в Канаде М. Дегтярь «О встрече с министром иностранных дел, главой делегации Пакистана на V сессии Генеральной Ассамблеи ООН Магомед Зафруллаг Ханом», 29 октября 1950 г // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23-б. П. 65. Д. 44. Л. 6.

⁶³ Торкунов А. В. Указ. соч. С. 96-97, 114-117.

⁶⁴ Friedman N. The Fifty-Year War: Conflict and Strategy in the Cold War. Annapolis, 2000. P. 165-166.

По мере успехов союзников СССР в Корейской войне росла и воинственность советских представителей в ООН. Главным объектом атаки Москвы стал, в частности, генеральный секретарь организации Трюгве Ли. Для этого был выбран момент, когда на сессии Генеральной Ассамблеи обсуждался вопрос о преемнике Ли в связи с истечением пятилетнего срока его полномочий.

Поддержка со стороны Ли позиции Запада в конфликте в Корее привела к изменению прежде благожелательного отношения Кремля к его кандидатуре. Еще 1 октября 1949 г., как сообщает сам Ли в своих мемуарах, во время ужина в советской миссии в Нью-Йорке А. Я. Вышинский затронул тему предстоящих в следующем году выборов генерального секретаря ООН и высказался в поддержку Ли «как единственного кандидата, которого, по его представлению, СССР может поддержать»⁶⁵. С того момента Ли получал и другие свидетельства из СССР в пользу его кандидатуры, в том числе и вторичное заверение Вышинского, данное Ли во время его визита в Москву в мае 1950 г.⁶⁶

Незадолго до этого визита А. А. Соболев, возглавлявший в то время Отдел США в министерстве иностранных дел СССР, а прежде являвшийся помощником генерального секретаря ООН, направил Вышинскому свои рекомендации по вопросу выборов главы Секретариата международной организации на предстоящей пятой сессии Генеральной Ассамблеи. По его мнению, «наиболее целесообразным решением» было бы переизбрание на этом посту Трюгве Ли на новый пятилетний срок. Соболев считал, что не существует другой кандидатуры, которая была столь же приемлемой для СССР. Он обращал внимание на то, что Ли занимал позиции в целом дружественные Советскому Союзу по таким вопросам, как кризис в Иране, одновременное принятие в члены ООН всех государств, изъявивших к тому желание, и по проблеме представительства Китая⁶⁷. По распоряжению Вышинского, Соболев вместе с главой Отдела международных организаций МИДа А. А. Роциным подготовили обзор деятельности Трюгве Ли на посту генерального секретаря ООН, в котором были отражены все действия Ли как за, так и против СССР. Вывод этого документа гласил, что, несмотря на колебания, нынешний генеральный секретарь занимал по ряду вопросов позиции в пользу Москвы.⁶⁸

Точка зрения западных руководителей на кандидатуру Трюгве Ли в этот же период в целом совпадала с оценкой Москвы. Они не считали Ли идеальной кандидатурой, но выражали намерение оказать ему поддержку, поскольку, как признавал глава миссии США в ООН У. Остин, Ли «является единственной кандидатурой, на которую согласятся русские»⁶⁹. В проекте меморандума по данному вопросу подготовленном в госдепартаменте США 18 апреля, говорилось, что Соединенные Штаты склоняются к поддержке переизбрания Трюгве Ли на новый пятилетний срок, поскольку, «как сейчас представляется, он является единственным кандидатом, который может получить одобрение всех постоянных членов (Совета Безопасности – И.Г.) и его руководство (Секретариатом ООН – И.Г.), несмотря на некоторые недостатки, в общем является удовлетворительным»⁷⁰.

Ситуация для Трюгве Ли резко изменилась к худшему с началом войны в Корее. Как было отмечено выше, Ли резко критиковался в заявлении Громыко от 4 июля. Директива советской делегации на пятой сессии Генеральной Ассамблеи, одобренная Политбюро 10 сентября, содержала следующий пункт: «Возражать и голосовать против переизбрания Трюгве Ли

⁶⁵ *Lie T.* Op. cit. P. 367–368.

⁶⁶ *Barros J.* Op. cit. P. 256.

⁶⁷ А. А. Соболев – А. Я. Вышинскому, 15 апреля 1950 г. // АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 34. П. 229. Д. 41. Л. 30–31.

⁶⁸ А. А. Соболев и А. А. Роцин, «О Трюгве Ли (Некоторые данные)», 20 апреля 1950 г // АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 34. П. 229. Д. 41. Л. 8–10.

⁶⁹ Memorandum of conversation, Austin – Jean Chauvel and Francis Lacoste, June 13, 1950 // FRUS 1950. Vol. II. P. 99.

⁷⁰ Draft Position Paper prepared in the Bureau of United Nations Affairs, April 18, 1950 // Ibid. P. 88.

на пост Генерального Секретаря ООН»⁷¹. Соответственно, в ожидании директив из Москвы, Малик отказался обсуждать вопрос о новом генеральном секретаре ООН, когда сначала британский, а затем американский представители поднимали его накануне сессии Генеральной Ассамблеи, и ссылаясь на необходимость дожидаться приезда в Нью-Йорк Вышинского⁷².

К тому времени администрация США уже определилась со своей позицией в отношении выборов генерального секретаря ООН. В меморандуме, подготовленном по этому вопросу, госдепартамент признавал, что, принимая во внимание «острую критику» Москвой позиции Ли по Корее, согласие между постоянными членами Совета Безопасности о сохранении за ним поста «представляется маловероятным». В связи с этим госдепартамент предлагал перенести обсуждение этой проблемы в Генеральную Ассамблею, которая должна одобрить переизбрание Ли на новый срок⁷³. США планировали оставить Ли в качестве генерального секретаря ООН еще на один пятилетний период.

Однако американские союзники из числа западных стран предлагали более короткие сроки, тогда как националистический Китай вообще возражал против кандидатуры Ли, ссылаясь на его позицию по вопросу представительства КНР и, в лучшем случае, соглашался на один год. Кроме того, среди союзников США не было единства в отношении законности передачи вопроса об избрании генерального секретаря ООН в ведение Генеральной Ассамблеи. Французские представители, например, информировали Вашингтон, что они готовы проголосовать за любого кандидата, набравшего семь голосов членов Совета Безопасности⁷⁴. Принимая во внимание активные маневры советской стороны в Совете Безопасности, в ходе которых Малик выдвинул в числе кандидатур на замещение должности генерального секретаря ООН представителей Мексики – Падилья Нерво, Индии – Бенегала Рао и Ливана – Чарльза Малика, такая позиция Парижа могла поставить под угрозу намерения США добиться переизбрания Ли⁷⁵.

В Вашингтоне же были преисполнены решимости «не дать возможности Советскому Союзу использовать свое вето, чтобы наказать г-на Ли за его позицию по Корее»⁷⁶. США использовали все имеющиеся у них средства давления, чтобы добиться одобрения своей точки зрения. Французам было велено «сомкнуть ружья и поддержать Ли»; Падилья Нерво и другим представителям латиноамериканских стран дали знать, что ни один кандидат от Латинской Америки не получит поддержки США и что, если они продолжат играть на руку СССР, «они поставят себя в неудобное положение, голосуя против американского вето». Ливанский представитель Малик был информирован, что США не выступают против него лично, против Ливана или против арабских стран, а «настроены на отстаивание высоких принципов и моральных аспектов» обсуждаемого вопроса⁷⁷.

Результатом такого давления, а также советского неприятия кандидатуры Ли стало то, что Совет Безопасности не смог прийти к соглашению по вопросу о новом генеральном секретаре ООН, о чем и информировал Генеральную Ассамблею в письме от 30 октября 1950 г. Ассамблея рассмотрела проект резолюции, предложенный США, Великобританией и рядом других стран, который предусматривал продлить срок пребывания Ли на посту генерального секретаря еще на три года⁷⁸.

⁷¹ А. Я. Вышинский – Сталину, 23 августа 1950 г., с приложением проекта директив. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 211. Л. 59.

⁷² Austin to the Secretary of State, September 12, 1950 // FRUS 1950. Vol. II. P. 123; Barros J. Op. cit. P. 261–262.

⁷³ Position Paper, “Appointment of the Secretary-General,” August 31, 1950 // FRUS 1950. Vol. II. P. 112–113.

⁷⁴ Secretary of State to the U.S. Embassy in France, October 23, 1950 // Ibid. P. 157.

⁷⁵ Barros J. Op. cit. P. 270.

⁷⁶ Minutes of Meeting on President Truman’s Train, New York, October 24, 1950 // FRUS 1950. Vol. II. P. 159.

⁷⁷ Barros J. Op. cit. P. 271; FRUS 1950. Vol. II. P. 159; Memorandum of conversation, John Ross – Charles Malik, October 25, 1950 // Ibid. P. 163–164.

⁷⁸ Yearbook of the United Nations 1950. NY, 1951. P. 125–126.

СССР резко протестовал как в Совете Безопасности, так и на Генеральной Ассамблее против подобного решения. Советские представители имели однозначные инструкции Кремля любыми средствами предотвратить переизбрание Ли или продление его срока. Политбюро даже дало разрешение поддержать любого кандидата, только бы избавиться от Ли⁷⁹. Когда стало ясно, что Ли все же останется на посту, благодаря американским усилиям, Москва направила в Нью-Йорк Вышинскому телеграмму с текстом жесткого выступления против решения ООН. Глава советской делегации должен был заявить, что Ли не может занимать пост генерального секретаря ООН, поскольку он не является объективным и беспристрастным лицом, способным проводить независимый курс и противостоять внешним влияниям. С точки зрения Кремля, Ли был бы хорош на посту какой-нибудь частной фирмы, но не соответствовал требованиям, предъявляемым к руководителю международной организации. Ли, считало Политбюро, превратился в «подголосок американской делегации, потеряв уважение и доверие многих государств-членов ООН», что подрывает авторитет этой организации. Вышинский должен был разоблачить нарушение Устава ООН Соединенными Штатами и в конце объявить, что если, несмотря на указанные причины, кандидатура Ли будет одобрена, «Советское Правительство... не будет с ним считаться и не будет его рассматривать в качестве генерального секретаря ООН»⁸⁰. Вышинский выполнил полученные им директивы дословно на пленарном заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 1950 г.⁸¹

Несмотря на советское предупреждение, Генеральная Ассамблея большинством в 45 голосов против 5 при 8 воздержавшихся одобрила продление пребывания Трюгве Ли на посту генерального секретаря ООН еще на три года. Столкновения по поводу переизбрания Ли, по словам американского исследователя Дж. Барроса, «с точностью отражают, какая пропасть образовалась к осени 1950 г. в отношениях между Востоком и Западом»⁸². Не только Москва была настроена решительно против переизбрания Ли, но и американцы отвергали какое бы то ни было компромиссное решение этого острого вопроса к удовлетворению всех сторон.

Между тем, в ООН продолжались поиски путей урегулирования конфликта на Корейском полуострове. Несмотря на решительный настрой Вашингтона против каких-либо уступок СССР и его союзникам – Китаю и Северной Корее, – ряд стран предпринимали усилия в пользу прекращения огня в Корее и эти усилия были сосредоточены на делегации КНР, которая прибыла в Нью-Йорк из Пекина в конце ноября, чтобы принять участие в заседаниях Генеральной Ассамблеи, посвященных проблеме Тайваня.

Этот визит был согласован между Пекином и Москвой. Запрос о возможности поездки китайской делегации в Нью-Йорк был направлен Кремлем в Пекин 12 ноября 1950 г. В нем советское руководство ссылалось на письмо министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая в ООН от 17 октября, в котором выражалось подобное намерение. Москва запрашивала китайское правительство, остается ли подобное намерение в силе и, если да, то не стоит ли делегации СССР в ООН выступить с соответствующим предложением⁸³. В итоге, делегация КНР прибыла в ООН, и 24 ноября глава делегации У Сюцюань встретился с Вышинским, чтобы получить «советы» от своих коллег из СССР. Он информировал советского министра, что собирается выступить на заседании Совета Безопасности по тайваньскому вопросу, а также о состоявшихся контактах с ним Трюгве Ли и индийского представителя Б. Рау. Вышинский обещал полную поддержку делегации во время ее пребывания в Нью-Йорке и одобрил намере-

⁷⁹ А. Громыко – А. Вышинскому, приложение к протоколу Политбюро № 78/245, 16 октября 1950 г // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 190.

⁸⁰ А. Громыко – А. Вышинскому, приложение к протоколу Политбюро № 78/366, 27 октября 1950 г // Там же. Л. 209-211.

⁸¹ General Assembly. Official Records. Fifth Session. 296th Plenary Meeting. P. 257–262.

⁸² Barros J. Op. cit. P. 271.

⁸³ А. Громыко – совпослу в Пекине, приложение к протоколу Политбюро № 78/502, 12 ноября 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 44. Л. 231.

ние китайцев встретиться с югославским представителем А. Беблером. Кроме того, оба собеседника договорились о регулярных встречах в здании советской миссии при ООН.⁸⁴

На заседании Совета Безопасности 28 ноября, а также в ходе встреч с Трюгве Ли и представителями западных делегаций китайские посланники настаивали на выводе из Кореи всех иностранных войск и переговорах между самими корейскими сторонами конфликта как предварительных условиях решения корейского вопроса. Кроме того, они выдвигали требования возвращения Тайваня КНР и прием Китая в члены ООН⁸⁵. Вскоре стало ясно, что усилия по примирению между США и Китаем вряд ли будут результативными. США не шли ни на какой компромисс по Тайваню и приему Китая в международную организацию, тогда как китайская сторона в условиях успешного наступления ее войск в Корею решительным образом настаивала на своих требованиях. После бесплодных переговоров делегация КНР покинула Нью-Йорк и 19 декабря вернулась в Пекин. Перспективы окончания войны в Корею оставались по-прежнему призрачными.

Не вызывает сомнения, что итоги 1950 г. были мало утешительными для мирового сообщества. На Корейском полуострове бушевала война, грозившая перерасти в глобальное столкновение. Организация Объединенных Наций, которая должна была сыграть роль инструмента в урегулировании взрывоопасной ситуации, оказалась сама втянутой в конфликт на стороне одной из противостоящих сил. Тем самым возможности многосторонней дипломатии были значительно сужены. Однако ее потенциал все же не был исчерпан, поскольку ООН, даже в условиях непримиримой конфронтации между двумя блоками ее членов, выразившейся, в частности, в отсутствии согласия по кандидатуре генерального секретаря, оставалась чуть ли не единственным форумом ведения диалога между оппонентами в холодной войне. В результате сохранялись возможности для компромиссов и последующих соглашений, что и было гарантией против фатального развития событий на международной арене.

---

⁸⁴ Запись беседы между Вышинским и У Сюцюанем, 24 ноября 1950 г. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23-б. П. 65. Д. 44. Л. 22-24.

⁸⁵ UN Yearbook 1950. P. 243.

Гиголаев Г. Е. Женевские конференции ООН по морскому праву и многосторонние переговоры по формированию правового режима Мирового океана в годы холодной войны

Мировой океан занимает большую часть земной поверхности. Для человечества он является важнейшей транспортной артерией, крупнейшим источником минерального сырья (прежде всего, углеводородов) и водно-биологических ресурсов (ВБР). В отличие от суши, которая к началу XX в. была полностью поделена между государствами, пространства Мирового океана оставались общим наследием всего человечества. За исключением узкой полосы внутренних и территориальных вод прибрежных государств, на них распространялись принципы свободы морей.

Период после Второй мировой войны характеризовался такими процессами, как активное хозяйственное освоение Мирового океана, развитие морской техники, создание мощных военных флотов (прежде всего, американского и советского) и превращение Мирового океана в арену противостояния между Востоком и Западом. Это вело к активизации интереса к морской проблематике в целом и, более конкретно, к стремлению отдельных стран закрепить за собой определенные районы и ресурсы Мирового океана. Процессы деколонизации вели к появлению новых прибрежных государств, заинтересованных в эксплуатации морских ресурсов, но отстававших от передовых стран мира в экономическом развитии, для которых конкуренция на основе принципа свободы морей была заведомо проигрышной. Особенно бурными все вышеперечисленные процессы стали в 1950-е – 1960-е гг. Все эти факторы, взятые в совокупности, влияли на то, что ряд государств (сначала латиноамериканских, затем – азиатских и африканских) стал стремиться распространить национальный суверенитет на отдельные морские районы обычно посредством одностороннего расширения своего территориального моря.

Впрочем, пионером в этой области выступили США. Несмотря на отстаиваемый этой страной принцип свободы открытого моря, 28 сентября 1945 г. увидела свет т. н. Прокламация президента Г. Трумэна («Политика США в отношении ресурсов дна и недр континентального шельфа», точнее, имеются в виду две прокламации – одна, посвященная шельфу и его недрам, другая – прибрежному рыболовству в некоторых районах открытого моря), где юрисдикция США распространялась на районы континентального шельфа, т. е., как уточнялось в сопровождавшем Прокламацию пресс-релизе, на все прилегающие морские пространства глубиной до 200 м⁸⁶. Ряд стран охотно последовали их примеру, только в еще более радикальной форме: в 1946–1947 гг. свои претензии на пространства и ресурсы в том или ином виде заявили Аргентина, Панама, Чили и Перу (причем Чили и Перу уже упоминали 200-мильную зону шельфа и водных пространств над ним). Позднее в 1952 г., в «Декларации Сантьяго» (совместное заявление Чили, Эквадора, Перу, принятое в чилийской столице) было провозглашено расширение юрисдикции прибрежных государств на пространства протяженностью не менее 200 миль. Кроме того, эту декларацию можно расценивать как попытку придать односторонним действиям многосторонний характер, путем принятия совместного акта группой стран «по интересам»⁸⁷.

⁸⁶ Колодкин А. Л. Континентальный шельф России в Арктике: перспективы расширения // Морское право. 2007. № 4 [Электронный ресурс] URL: http://www.sea-law.ru/index.php?Itemid=76&id=113&option=com_content&task=view.

⁸⁷ Овлащенко А. В. Морская политика. СПб., 2008. С. 60.

К концу 1950-х гг. схожие односторонние акты приняли свыше 20 государств. Возникла угроза раздела пространств и ресурсов Мирового океана путем односторонних действий, что было чревато серьезными конфликтами. Насколько опасными могут быть подобные действия, когда они затрагивают чувствительные интересы ряда государств показал, в частности, Суэцкий кризис 1956 г. – действия Египта, безусловно, не касались изменения статуса тех или иных океанических районов, но они затронули важнейший морской торговый путь, имевший жизненно важное значение для Западной Европы, и реакция на это со стороны ряда государств была жесткой и агрессивной.

Принимая во внимание, что система международных морских отношений априори носит многосторонний характер и что Мировой океан является тем местом, где сталкивается множество труднопримиримых подчас интересов разных государств в сфере политики, экономики и безопасности, решение данной проблемы могло носить только коллективный характер. Противовесом разделу Мирового океана на базе односторонних действий могла быть только кодификация морского права на многосторонней основе. Безусловно, важным условием было то, что указанные события разворачивались в послевоенном мире, в условиях функционирования Ялтинско-Потсдамского миропорядка и одного из важнейших инструментов этой системы – Организации Объединенных Наций и ее специализированных организаций, среди которых можно особо отметить Международный суд ООН. Безусловно, попытки кодификации и унификации морского права в рамках многосторонних форумов имели место и раньше – в связи с этим можно вспомнить конференцию 1930 г. в Гааге, собранную по инициативе Лиги Наций, которая, как известно, не увенчалась успехом.

В новых условиях ООН и ее органы взялись за дело более основательно. Вопросами кодификации международно-правовых норм в области морепользования занялась Комиссия международного права ООН, которая получила ряд поручений от Генеральной ассамблеи ООН (резолюции VIII и IX сессий – № 798 (VIII) от 7.12.1953 и 899 (IX) от 14.12.1954), и по завершении работы, занявшей несколько лет, на своей 8-й сессии в апреле – июле 1956 г. приняла статьи по морскому праву.

Деятельность Комиссии была одобрена в ходе работы XI сессии ГА ООН, на которой рассматривался доклад Комиссии и проект статей с комментариями. 21 февраля 1957 г. сессия приняла резолюцию № 1105 (XI), в которой, исходя из рекомендаций Комиссии международного права, поручила Генеральному Секретарю ООН созвать в марте 1958 г. международную конференцию полномочных представителей для рассмотрения морского права и обратилась с просьбой, ко всем государствам-членам ООН и специализированных учреждений принять участие, а специализированным и заинтересованным организациям – прислать наблюдателей⁸⁸. На Секретариат ООН возлагалась задача по организации и проведению конференции, включая разработку процедуры и метода проведения (безусловно, с учетом мнения приглашенных государств и на основе консультаций «надлежащих специалистов»).

Надо отметить, что на этой же сессии был поставлен вопрос о доступе к морю для стран, не имеющих выхода к нему. Соответствующее предложение было внесено делегацией Чехословакии. В резолюции 1105 содержалась рекомендация на предстоящей конференции рассмотреть вопрос о свободном доступе к морю для стран, не имеющих морской границы. Кроме того, была принята резолюция 1028 от 20 февраля 1957 г., которая рекомендовала признать нужды таковых стран в надлежащем транзите и оказать им соответствующую помощь⁸⁹.

Итак, конференция должна была рассмотреть несколько основных вопросов, которым соответствовали группы подготовленных Комиссией международного права статей: о террито-

⁸⁸ Резолюции, принятые по докладам Шестого комитета // Генеральная ассамблея. Одиннадцатая сессия. [Электронный ресурс] URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/343/33/IMG/NR034333.pdf?OpenElement>

⁸⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 54. Оп. 27. П. 228. Д. 21.

риальном море и прилегающей зоне, об открытом море, о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря и о континентальном шельфе. Для каждой из рассматриваемых групп статей было предусмотрено создание специального комитета в рамках конференции, еще один, пятый, комитет, должен был заниматься проблемами свободного доступа к морю для внутриконтинентальных стран. Кроме этих комитетов создавались общие органы – Генеральный комитет и комитет по полномочиям. Правила процедуры разрабатывались с участием группы экспертов Секретариата ООН в обстановке конфиденциальности. Впрочем, Советский Союз был осведомлен о работе экспертов, поскольку одним из них был посол Чехословакии в США К. Петржелка (Karel Petrzelka), который передавал информацию сотрудникам Советского представительства при ООН⁹⁰.

Принцип назначения глав комитетов и руководящего состава конференции в целом основывался на учете представительства различных регионов и групп стран. Председателем конференции был избран глава делегации Таиланда принц Ван Вайтхайакон. Первый комитет возглавил представитель Британского Содружества К. Г. Бейли (Австралия), второй – представитель Западной Европы О. К. Гундерсен (Норвегия), третий – представитель Латинской Америки К. Сукре (Панама), четвертый – представитель стран Азии и Африки А. Б. Перера (Цейлон), пятый – представитель соцстран Я. Жоурек (Чехословакия). Представители 13 государств, включая СССР и США, получили посты заместителей председателя конференции. Были также избраны Комитет по проверке полномочий под председательством представителя Канады М. Уэршора и Редакционная комиссия под председательством представителя Эквадора ХА. Корреа⁹¹. Советскую делегацию возглавлял Заведующий Договорно-правовым отделом МИД СССР Г. И. Тункин, кроме того, в работе обеих конференций участвовали делегации УССР (во главе с известным юристом, академиком В. М. Корецким) и БССР (во главе с И. Е. Герониным)⁹².

Безусловно, влияние на атмосферу Первой Конференции ООН по морскому праву оказывали международные условия, поскольку она проходила в обстановке продолжающейся холодной войны и противостояния двух лагерей. Общие проблемы международных отношений не могли не влиять на работу Конференции. Так на первом же пленарном заседании 24 февраля 1958 г. после официального открытия и приветствий от Европейской штаб-квартиры ООН и Швейцарского МИД, но еще до избрания председателя конференции и ее руководящих органов слово взял глава советской делегации Тункин и изложил советскую позицию по вопросу представительства Китая: что Китай фактически не представлен на Конференции, поскольку присутствие представителей Чан Кайши незаконно, а представители единственного законного китайского правительства – правительства КНР отсутствуют. Он также отметил, что приглашения на Конференцию не получили Германская Демократическая Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика и Демократическая Республика Вьетнам. Далее последовал обмен мнениями с участием представителей США, ряда социалистических и развивающихся стран, и тех государств, которые непосредственно или косвенно были затронуты в речи советского дипломата (ФРГ, Республика Китай, Республика Корея, Республика Вьетнам).

Представитель США заявил, что данный вопрос находится вне полномочий конференции, поскольку вопрос о составе участников заложен в резолюции ГА ООН № 1105 (XI), при этом не преминув обвинить КНР в «агрессии» в Корею. Развивающиеся страны (Индия, Цейлон, Бирма, Йемен) высказали сожаление в связи с отсутствием на Конференции пред-

⁹⁰ АВП РФ. Ф. 54. Оп. 27. П.228. Д. 21. Л. 19-21, 26.

⁹¹ United Nations Conference on the Law of the Sea. Geneva, 24 February – 27 April 1958. Volume II. [Электронный ресурс] URL: http://untreaty.un.org/cod/diplomaticconferences/lawofthesea-1958/PlenaryMtgs_vol_II_e.html

⁹² Позднее, по завершении работы Второй конференции в Женеве рядом советских специалистов, участников обеих конференций, был подготовлен коллективный труд, обобщивший, в том числе, результаты работы указанных международных форумов: Очерки международного морского права / Под ред. В. М. Корецкого и Г. И. Тункина. М., 1962.

ставителей КНР, представитель Доминиканской республики солидаризировался с США, Югославия высказала позицию, близкую к позициям развивающихся стран, подчеркнув при этом легитимность центрального китайского правительства, Чехословакия, как и СССР, отметила с сожалением отсутствие не только КНР, но и ГДР, КНДР и ДРВ, а представители проамериканских режимов Южного Вьетнама и Кореи, Западной Германии и Тайваня энергично доказывали несостоятельность и незаконность своих коммунистических визави. Обсуждение этого вопроса прекратил председательствовавший на открытии юридический советник Генсека ООН К. Ставропулос, призвавший участников перейти к следующему пункту повестки, т.е. к выборам постоянного председателя⁹³.

В свою очередь США продавили в доклад Комитета по проверке полномочий свою поправку относительно полномочий представителей Венгрии (таким образом, Комитет принял решение оставить вопрос о правомочности венгерской делегации открытым, не принимая никакого решения по представленным венгерской стороной полномочиям), которая, впрочем, на пленарном заседании была проголосована отдельно и с минимальным перевесом отклонена⁹⁴. Однако США аналогичным образом поступили и два года спустя на Второй конференции ООН по морскому праву⁹⁵.

С самого начала было ясно, что по наиболее принципиальному вопросу – ширине территориальных вод – столкнутся две основных позиции: позиция США, Великобритании и ряда других западных стран, отстаивавших принцип свободы морей и выступавших за сохранение минимальной трехмильной границы территориальных вод, и позиция Советского Союза и еще группы стран, преимущественно социалистических либо развивающихся, настаивавших на 12-мильной зоне. Если практика определения трехмильной границы территориальных вод сложилась еще в XIX в., на основе такого критерия как дальность пушечного выстрела, то 12-мильные зоны были провозглашены рядом стран значительно позже – уже после Второй мировой войны. Впрочем, трехмильный лимит не был общепринятым. В Скандинавских странах существовала четырехмильная зона территориальных вод. Россия, а затем СССР также никогда не признавали трехмильную границу⁹⁶.

Тем не менее, западные страны настаивали, что введение 12-мильного лимита территориальных вод ограничит свободу морей, в частности, свободу судоходства и приведет, например, к тому, что в рамках этого пространства, подчиняющегося юрисдикции прибрежных государств, окажутся важные морские проливы и судоходные пути, и это негативным образом повлияет на морскую торговлю, составляющую важную часть мировой торговли в целом и экономики развитых стран в частности, поскольку торговые суда станут стараться обойти эти зоны, что удлинит маршруты их движения⁹⁷.

В общем, вопрос о ширине территориальных вод стал камнем преткновения как в ходе подготовки, так и в ходе проведения Первой Конференции ООН по морскому праву, которая прошла в Женеве 26 февраля – 29 апреля 1958 г. Более того, его так и не удалось решить в ходе следующей, Второй конференции, состоявшейся в марте-апреле 1960 г. и собранной, главным образом, именно для того, чтобы покончить с этим вопросом, оставшимся нерешенным на Первой конференции.

⁹³ United Nations Conference on the Law of the Sea. Geneva, 24 February – 27 April 1958. Volume II. [Электронный ресурс] URL: http://untreaty.un.org/cod/diplomaticconferences/lawofthesea-1958/PlenaryMtgs_vol_II_e.html

⁹⁴ United Nations Conference on the Law of the Sea. Geneva, 24 February – 27 April 1958. Volume II. [Электронный ресурс] URL: http://untreaty.un.org/cod/diplomaticconferences/lawofthesea-1958/PlenaryMtgs_vol_II_e.html

⁹⁵ Second United Nations Conference on the Law of the Sea. Geneva, 17 March – 26 April 1960. Summary Records of Plenary Meetings and of Meetings of the Committee of the Whole, Annexes and Final Act. [Электронный ресурс] URL: http://untreaty.un.org/cod/diplomatic-conferences/lawofthesea-1960/Vol1-SummaryRecordsAnnexes_and_Final_Act_e.html

⁹⁶ *Бойцов Ф. С., Иванов Г. Г., Маковский А. Л.* Морское право. М., 1985. С. 34–39.

⁹⁷ АВП РФ. Ф. 54. Оп. 30. П. 270. Д. 9. Л. 26–27.

Советский Союз и другие сторонники расширения территориальных вод до 12 миль исходили из того, что в статьях, подготовленных Комиссией международного права ООН было зафиксировано, что прилежащая зона не должна превышать расстояния в 12 миль от тех же точек отсчета, от которых отсчитывается ширина территориального моря. Это, по мнению СССР и его сторонников предполагало, что границы территориальных вод могут быть расширены вплоть до этого лимита.

Однако, несмотря на то, что крупнейшими государствами, представлявшими эти две противоположные точки зрения, являлись СССР и США, соотношение сил на Первой и Второй Конференциях ООН по морскому праву отличалось от аналогичного баланса на фронтах холодной войны. Далеко не все страны Запада, включая те, что считались союзниками или даже сателлитами Соединенных Штатов, поддерживали американскую точку зрения. Особую позицию относительно правового статуса пространств Мирового океана, как уже отмечалось, занимали многие страны Латинской Америки. Некоторые были недовольны даже 12-мильным лимитом и были сторонниками гораздо более обширной зоны территориального моря.

Довольно своеобразным представлялся расклад сил в таком регионе как Северная Европа. Пять государств, входивших в этот регион (Дания, Норвегия, Швеция, Исландия и Финляндия) продемонстрировали в ходе событий 1958–1960 гг. совершенно различные подходы, которые были обусловлены не только блоковым (или напротив, внеблоковым) статусом того или иного государства, но, в первую очередь, экономическими и, как следствие, социальными и внутривнутриполитическими соображениями.

В качестве возмутителя спокойствия выступила Исландия, экономика которой напрямую зависела от рыбной отрасли. Безусловно, исландская сторона не собиралась вводить 12-мильную границу территориального моря и не поддержала позицию Советского Союза, но она объявила о намерении ввести 12-мильную рыболовную зону, в рамках которой имела бы эксклюзивные права на вылов биоресурсов и, напротив, имела бы право контролировать деятельность иностранных рыбаков.

Выступив с подобным предложением на Конференции 1958 г., Исландия, однако, не набрала необходимого количества в 2/3 голосов и в том же году ввела таковую зону «исключительного лова» в одностороннем порядке. Это привело к столкновению с Великобританией, получившему название «Второй тресковой войны» – одной из целого ряда «тресковых войн», которые велись между Исландией (изначально как датского владения) и Британией с конца XIX в. до 70-х гг. XX в. Тресковыми эти войны (часть более широкого понятия «рыбные войны») именовались, как нетрудно догадаться, потому что основным объектом промысла британских рыбаков у берегов Исландии была треска. Причем, несмотря на колоссальную разницу потенциала и на то, что Соединенное королевство применяло для запугивания исландцев боевые корабли, которые входили в рыбоохранную зону вместе с британскими траулерами, все эти войны были Исландией фактически выиграны, хотя к концу этого противостояния (в середине 1970-х гг.) Исландия постепенно расширила свою рыболовную зону до 200 миль⁹⁸. Однако, несмотря на несогласие с позицией Британии и исходной позицией США, Исландия не поддерживала советскую точку зрения о 12-мильной ширине территориальных вод, при том то, что СССР выразил поддержку Исландии в конфликте с Англией, а между первой и второй Женевскими конференциями исландцы высказывали в беседах с советскими представителями надежду на то, что СССР поддержит их предложения о 12-мильной рыболовной зоне на Второй конференции по морскому праву⁹⁹. Впрочем СССР не склонен был поддерживать исландцев на Второй конференции, в том числе потому, что 12-мильная рыболовная зона анонсировалась

⁹⁸ Рыбные войны // Рыбные ресурсы. 2005. 10 ноября. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fshres.ru/news/print.php?id=280>

⁹⁹ Этому, в частности, была посвящена беседа исландского посла П. Торстейнссона 5.08.1959 г. с замминистра иностранных дел СССР Г. М. Пушкиным. См.: АВП РФ. Ф. 54. Оп. 29. П. 255. Д. 8. Л. 32–34.

исландской стороной как минимальная, что создавало перспективу ее дальнейшего увеличения, а такое развитие событий признавалось невыгодным для интересов советского рыболовства¹⁰⁰ (так и случилось впоследствии – в 1972 г., когда Исландия расширила ее до 50 миль).

Позиция собственно скандинавских стран – Дании, Норвегии и Швеции, была значительно сложнее и неоднозначнее. Изначально выступив за сохранение исторически сложившегося лимита территориального моря (в случае скандинавских стран это 4, а не 3 мили), они вынуждены были по ходу Первой конференции и после нее менять свои позиции. Так, Швеция на конференции 1958 г. выступила за расширение территориальных вод до пределов 6-мильной зоны и против выделения каких-либо дополнительных рыболовных зон, но в итоге голосовала за «компромиссное» американское предложение «шесть плюс шесть» (6+6, т. е. шестимильная граница территориальных вод и 12-мильная рыболовная зона). После провала этого предложения шведы вернулись к исходной позиции, поскольку в случае введения их соседями – датчанами и норвежцами 12-мильных рыболовных зон, шведские рыбаки потеряли бы традиционные районы промысла¹⁰¹.

Еще более сложной оказалась позиция Дании. Появление рыболовных зон у скандинавских берегов могло создать определенные трудности для датских рыбаков. Кроме того, датское правительство не хотело ссориться со своими союзниками по НАТО – США, Великобританией и ФРГ. Однако датской короне подчинялись два автономных владения, экономика которых была завязана на морское промышленное рыболовство и население которых в значительной степени зависело от рыбного промысла. Речь идет о Фарерских островах и Гренландии. Местные законодательные собрания и депутаты фолькетинга от этих регионов требовали от датского правительства защиты своих интересов на международной арене. Более того, в мае 1958 г., уже после окончания Первой Конференции по морскому праву, которая так и не пришла к единому мнению о разграничении территориального моря и рыболовных зон, Фарерский лагтинг ввел 12-мильную рыболовную зону вокруг Фарер по исландскому образцу в одностороннем порядке¹⁰², и Дания вынуждена была с этим считаться. Более того, и в этом случае возникли трения с Англией, которые, впрочем, удалось снять путем заключения в 1959 г. датско-британского соглашения, согласно которому британские рыбаки получили возможность заниматься промыслом в пределах зоны между 6 и 12 милями на основании того, что они исторически вели промысел в этих районах.

Аналогичная ситуация сложилась и в Норвегии, которая занимала схожую позицию на Первой конференции ООН, но после нее стала склоняться к введению рыбоохранной зоны в 12 миль в интересах собственного рыболовства, и решила на конференции 1960 г. поддерживать предложение 6+6 (территориальные воды и рыболовная зона), выдвинутое канадской делегацией на конференции 1958 г., легшее в основу американского предложения, но отличавшееся от него по некоторым пунктам. Надо отметить, что эволюция позиции Дании и Норвегии вызвала отрицательное отношение Великобритании и ряда других западных стран. Так, на конференцию по морскому праву, созванную по инициативе Британии в Лондоне в ноябре 1959 г., в которой в преддверии Второй конференции ООН по морскому праву должны были участвовать представители западного блока (помимо хозяев – британцев, приглашены были США, Франция, ФРГ, Бельгия, Нидерланды, Италия, Испания, Португалия, Греция и Турция) и которая, по-видимому, должна была подтвердить их единство в вопросе противостояния расширению территориальных вод и рыболовных зон, ни датчане, ни норвежцы приглашены не были, как, впрочем, и Исландия с Канадой¹⁰³.

---

¹⁰⁰ АВП РФ. Ф. 54. Оп. 29. П. 255. Д. 8. Л. 48–50.

¹⁰¹ АВП РФ. Ф. 54. Оп. 30. П. 270. Д. 9. Л. 10–11, 12.

¹⁰² АВП РФ. Ф. 54. Оп. 29. П. 255. Д. 8. Л. 81–95.

¹⁰³ АВП РФ. Ф. 54. Оп. 30 П. 270. Д. 9. Л. 82.

Особую позицию заняла Финляндия. Финские представители фактически самоустранились от поддержки той или иной позиции из тех, что высказывались на Первой конференции по морскому праву. Они не выражали намерения расширять свою рыболовную зону или территориальные воды за пределы 4-х миль, поскольку у финских берегов промысел иностранными судами практически не велся, а вот введение другими странами аналогичных зон могло бы помешать финскому рыболовству. Поэтому Финляндия воздерживалась при голосовании любых предложений как в Первом комитете (рассматривавшем вопросы территориального моря и прилегающей зоны), так и на пленарном заседании Конференции. Воздержались финны даже от голосования по вопросу о созыве Второй конференции на XIII сессии ГА ООН в декабре 1958 г. Никак не среагировала финская сторона и на одностороннее введение Исландией рыболовной зоны в 12 миль. Отдельные финские представители и эксперты склонялись к тому, что 12-мильная зона была бы справедливой, поскольку зафиксировала бы то, что уже применяется рядом государств на практике. Однако они не желали высказываться в поддержку этого предложения, т. к. в противостоянии СССР и США, которое, по их мнению, составляло суть Конференции, они намеревались сохранить нейтралитет¹⁰⁴.

Если говорить о западном лагере, то необходимо отметить особую позицию Канады. Именно от Канады, как уже упоминалось выше, исходило предложение 6+6, выдвинутое США в ходе конференции 1958 г. в качестве компромиссного по сравнению с исходным американским предложением о трехмильных территориальных водах, с одной стороны, и советским предложением о 12-мильном территориальном море – с другой. Однако канадское и американское предложение существенно отличались друг от друга. Канаду, как и Исландию, интересовала, в первую очередь, возможность введения исключительной 12-мильной рыболовной зоны, в которой был бы запрещен промысел со стороны иностранных рыболовных судов. Изначальная канадская позиция была 3+9 – т. е. территориальные воды, традиционные для англосаксонских стран – 3 мили, но зона рыболовства – 12 миль. Потом это предложение трансформировалось в 6+6¹⁰⁵.

Однако канадцы, как и исландцы, придавая большое значение национальному рыбному промыслу, не предусматривали сохранение за другими странами каких-либо традиционных прав в рыболовной зоне, а американцы, взяв предложение 6+6 на вооружение, существенно дополнили его, предложив оставить право осуществлять промысел в этой зоне за судами тех стран, которые занимались им в этих районах традиционно, что с точки зрения канадцев было неприемлемо. По мнению советника МИД Канады М. Кодье (Marcel Cadieux), которое он высказывал в беседах с представителями советского посольства, такой промысел может осуществляться только в случае наличия двусторонних договоренностей (по примеру англо-датского соглашения 1959 г.). Что же касается советского предложения о территориальных водах в 12 миль, то Кодье полагал его вполне обоснованным и логичным, но отмечал невозможность его принятия из-за резко отрицательной позиции США, Великобритании и Японии. Поэтому Канада придерживалась компромиссной точки зрения, пытаясь найти такое предложение, за которое смогло бы проголосовать большинство стран-участниц конференции. Впрочем, представители канадских властей высказывали и иного рода соображения, особенно публично. Так министр северных территорий и национальных ресурсов Э. Гамильтон (Alvin Hamilton), отчитываясь в парламенте по итогам Конференции 1958 г., говорил, что расширение территориальных вод до 12 миль может подвергнуть опасности интересы стран, выступающих за свободу морей. При этом он отмечал, что советскую границу территориального моря никто в мире оспаривать не собирается хотя бы потому, что она существует еще с царских времен, т. е. уже

---

¹⁰⁴ АВП РФ. Ф. 54. Оп. 29. П. 255. Д. 8. Л. 17–23.

¹⁰⁵ АВП РФ. Ф. 54. Оп. 30. П. 270. Д. 9. Л. 67–71.

более полувека¹⁰⁶. В целом, следует отметить, что позиция Канады была традиционно нацелена на достижение соглашения в рамках многостороннего форума. Это было характерной чертой канадской дипломатии, равно как и дипломатии ряда других «малых» стран в рамках сложившейся в послевоенном мире биполярной системы.

По сравнению с «разбродом», царившем на Западе, восточный блок выглядел практически монолитно, что, впрочем, нивелировалось тем, что он был гораздо более малочисленным и имел, соответственно, меньше мест в ООН и на Конференции (как уже упоминалось выше, целый ряд социалистических государств не был приглашен на Конференции 1958 и 1960 гг., потому что они не входили в ООН, и легитимность их правительств не признавалась многими странами, прежде всего, западными). Тем не менее, и среди социалистических стран имелись противоречия по вопросам, обсуждавшимся на Конференции, хотя они не выносились на международное обсуждение. Так власти ГДР высказывали уже после Конференции 1958 г. опасения по поводу перспектив введения Норвегией 12-мильной рыболовной зоны, что должно было сильно ударить по восточногерманским рыбакам. СССР в ответ мог только предложить как-то договориться с Норвегией, поскольку осуждать норвежскую позицию он не мог, ибо 12-мильная рыболовная зона – это был уже прогресс, с точки зрения позиции СССР и стран соцлагеря. Тем не менее, такая позиция Норвегии, вроде бы в большей степени отвечающая интересам СССР, чем сохранение status-quo, наносила ущерб интересам его союзника. А договариваться с Норвегией ГДР могла только на уровне хозяйственных организаций, поскольку между странами не было дипломатических отношений¹⁰⁷.

Сторонниками введения 12-мильной зоны территориального моря выступали многие страны, которые позднее стали объединять под общим понятием «третий мир»: в частности, Ирак, правительство которого в одностороннем порядке ввело 12-мильную границу территориальных вод в 1959 г., и другие арабские страны (накануне Конференции 1960 г. Лига Арабских государств даже приняла соответствующую резолюцию в поддержку арабскими странами 12-мильной границы тервод), а также Иран, который, как и соседний Ирак, односторонним актом установил такую ширину тервод в том же 1959 г., Бирма и др.¹⁰⁸

Индонезийские власти выдвигали претензии на то, чтобы считать все водные пространства между составляющими территорию государства островами своим территориальным морем. В основу такого подхода они положили специфическую интерпретацию отсчета ширины морских границ от прямых исходных (или базисных) линий. Такой способ отсчета от прямых линий, соединяющих наиболее выступающие точки суши признается правомерным при наличии извилистой береговой линии. Этот принцип был применен Декретом норвежского короля в 1935 г. для отсчета ширины территориального моря, причем за исходные точки брались не только выступающие участки суши, но и прибрежные скалы, обнажающиеся при отливе, и острова, лежащие у побережья. В конце 1940-х гг. проведенная таким образом граница была оспорена Великобританией, поскольку норвежцы задерживали в этих пределах британские траулеры. Однако Международный суд ООН, разбиравший это дело, в 1951 г. признал правомерность указа короля Норвегии¹⁰⁹.

На этом основании индонезийцы исчисляли ширину своего территориального моря (12-мильную, разумеется) от прямых основных линий, соединяющих крайние точки островов, составляющих республику Индонезия, т. е. не каждого острова, а всего архипелага в целом. В противном случае, полагала индонезийская сторона, территория страны будет разбита на ряд изолированных частей, между которыми находятся обширные пространства открытого

¹⁰⁶ АВП РФ. Ф. 54. Оп. 30. П. 270. Д. 9. Л. 67–71.

¹⁰⁷ АВП РФ. Ф. 54. Оп. 30. П. 270. Д. 9. Л. 57–58, 59, 60–62.

¹⁰⁸ АВП РФ. Ф. 54. Оп. 30. П. 270. Д. 9. Л. 22, 31, 49–51.

¹⁰⁹ *Вылеглашиш А. Н.* Решения Международного суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М., 2004. С. 45–49.

моря, в которых любое иностранное государство будет обладать полной свободой действий, а это наносит ущерб безопасности Индонезии. Кроме того, такое положение просто затрудняло бы управление страной. Индонезийцы провозгласили такой порядок проведения границ своих территориальных вод в специальной декларации еще в декабре 1957 г. (до этого действовал установленный еще нидерландскими колониальными властями трехмильный лимит, отсчитывавшийся от крайних точек каждого из островов в отдельности) и просили содействия дружественных государств, в том числе СССР, в отстаивании этой своей позиции на международной арене¹¹⁰. Некоторые латиноамериканские государства, как упоминалось в начале статьи, хотели распространить режим территориальных вод и на 200 миль.

Безусловно, столь разные позиции было практически невозможно примирить. Предложение, выдвинутое США на Первой конференции (1958 г.) в качестве компромиссного: 6+6 с сохранением за иностранными государствами традиционных прав рыболовства в рыболовной зоне, – не набрало на этой конференции необходимого большинства в 2/3 голосов. Его не поддержали не только соцстраны и часть развивающихся стран, но и отдельные страны Запада (так, в числе голосовавших против были Канада, Исландия и ряд латиноамериканских стран, в числе воздержавшихся – Япония и Финляндия, всего же: 45 – за, 33 – против, 7 – воздержались). Помимо американского, на голосование в ходе пленарного заседания 25 апреля 1958 г. были выдвинуты советское предложение о 12-мильной зоне территориальных вод, предложение восьми стран (Бирма, Колумбия, Индонезия, Мексика, Марокко, Саудовская Аравия, Объединенная Арабская Республика и Венесуэла), также предполагавшего возможность введения 12-мильной зоны территориального моря, а в случае, если эта зона меньше – 12-мильной рыболовной зоны, а также соответствующий параграф Доклада Первого комитета, содержавший предложение о 12-мильной рыболовной зоне. Однако эти проекты показали худший результат, чем предложение США (предложение Первого комитета получило 35 голосов против 30 при 20 воздержавшихся; предложение восьми стран получило 39 голосов при 38 против и 8 воздержавшихся; советское предложение вообще было провалено не собрав даже относительного большинства: 21 – за, 47 – против, 17 – воздержались)¹¹¹.

Конференция 1960 г. также не преуспела в этом плане. Она, как уже говорилось, была собрана специально для решения вопроса о ширине территориального моря и заседала более месяца (17 марта – 26 апреля 1960). Председательствовал снова принц Ван Вайтхайакон. На этот раз, поскольку основной вопрос был единственным, вместо пяти комитетов функционировал один – Общий комитет, председателем которого стал ХА. Корреа (Эквадор), зато число заместителей председателя конференции увеличилось до 17. Был выдвинут целый ряд предложений, которые в общем сводились к тем же самым двум позициям – 12 миль или 6+6. Первая позиция окончательно была сформулирована в предложении 18-ти стран, представлявших Азию, Африку и Латинскую Америку (Эфиопия, Гана, Гвинея, Индонезия, Иордания, Иран, Ирак, Ливан, Ливия, Мексика, Марокко, Судан, Саудовская Аравия, Филиппины, Объединенная Арабская Республика, Тунис, Венесуэла, Йемен), в пользу которого снял свое исходное предложение СССР. Вторая позиция нашла окончательное выражение в совместном предложении США и Канады, в основном повторявшем «компромиссное» предложение США образца 1958 г. и исходное предложение США на конференции 1960 г., и, соответственно, отличавшемся от канадского предложения 1958 г. и исходного канадского предложения на конференции 1960 г. тем, что сохраняло за иностранными государствами традиционные права рыболовства. И несколько особняком стояло предложение Исландии, в котором говорилось, что страны, зависящие от прибрежного рыболовства, имеют преимущественные права в районах,

¹¹⁰ АВР РФ. Ф. 54. Оп. 30. П. 270. Д. 9. Л. 28–30.

¹¹¹ United Nations Conference on the Law of the Sea. Geneva, 24 February – 27 April 1958. Volume II. [Электронный ресурс] URL: http://untreaty.un.org/cod/diplomaticconferences/lawofthesea-1958/PlenaryMtgs_vol_II_e.html

примыкающих к зоне прибрежного рыболовства. В итоге предложение 18-ти было в Общем комитете провалено (36 – за, 39 – против, 13 – воздержались); прошли и были вынесены на пленарное заседание Конференции исландское (31 – за, 11 – против, 46 – воздержались) и американско-канадское (43 – за, 33 – против, 12 – воздержались) предложение¹¹².

Однако в отличие от комитета, где решения принимались простым большинством, на пленарном заседании, как и в ходе конференции 1958 г., для принятия предложения необходимо было большинство в 2/3 голосов. В итоге ни одно из двух предложений, вынесенных 26 апреля 1960 г. на голосование по рекомендации Общего комитета, предсказуемо не набрало нужного количества голосов. Первое предложение (Исландское) – получило всего 25 голосов против 27 при 26 воздержавшихся (воздержался, в том числе Советский Союз вместе с большинством соцстран). Второе предложение (американско-канадское) было гораздо ближе к успеху, даже ближе, чем американское предложение в 1958 г., набрав 54 голоса, против 28 при 5 воздержавшихся, т. е. оно не добрало всего 4 голоса. Этот успех был отмечен представителем США А. Х. Дином, предложившим повторно рассмотреть это предложение, руководствуясь тем, что любое достигнутое соглашение будет приветствоваться по всему миру. Это вызвало резкую реакцию представителя Саудовской Аравии, заявившего, что США оказывали и оказывают давление Конференцию, что интересы стран, имеющих 12-мильную границу территориальных вод, игнорируются, а единственный компромисс, на который оказались способны Штаты – это компромисс между ними самими и Канадой, поэтому даже набрав 2/3 голосов их предложение никогда не станет признанной нормой международного права. Поэтому лучше оставить возможность для достижения настоящего, искреннего соглашения, которое пока невозможно¹¹³. В том же духе высказался и Тункин, который фактически подвел итог Второй конференции, заявив, что исход голосования свидетельствует только об одном: что поставленный перед Конференцией вопрос просто еще не созрел для кодификации, и что, по его мнению, лучше уж не иметь в результате никакого соглашения, чем иметь плохое. Председатель, тем не менее, поставил американское предложение о повторном рассмотрении на голосование, однако оно не прошло¹¹⁴.

Так, ни Первая, ни Вторая конференции в Женеве не смогли решить вопрос о границах территориального моря. Поэтому неопределенность с шириной территориальных вод сохранялась вплоть до принятия Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. уже на Третьей Конференции ООН по морскому праву в Монтего-Бей (Ямайка), когда был окончательно закреплен 12-мильный лимит территориального моря, действующий по сей день.

Тем не менее, значение двух первых конференций ООН по морскому праву трудно переоценить, в особенности это касается первой из них, поскольку на ней все же были приняты четыре конвенции, в основу которых легли статьи по морскому праву, разработанные Комиссией международного права ООН: Конвенция о территориальном море и прилегающей зоне, Конвенция об открытом море, Конвенция о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря и Конвенция о континентальном шельфе, которые были ратифицированы большинством

---

¹¹² Second United Nations Conference on the Law of the Sea. Geneva, 17 March – 26 April 1960. Summary Records of Plenary Meetings and of Meetings of the Committee of the Whole, Annexes and Final Act. [Электронный ресурс] URL: http://untreaty.un.org/cod/diplomaticconferences/lawofthesea-1960/Vol1-SummaryRecordsAnnexes_and_Final_Act_e.html

¹¹³ Second United Nations Conference on the Law of the Sea. Geneva, 17 March – 26 April 1960. Summary Records of Plenary Meetings and of Meetings of the Committee of the Whole, Annexes and Final Act. В ходе еще одного своего выступления саудовский представитель А. Шукайри прозрачно намекнул, на то, что для «протаскивания» своего предложения США, по-видимому, оказывают существенное давление на участников. Так он привел в пример Иран, который сам имея 12-мильную границу территориальных вод и проголосовав против американско-канадского предложения в Комитете, на пленарном заседании внезапно решил воздержаться, что, по мнению Шукайри, можно было объяснить только одним – давлением со стороны США. Удивительно, что за это предложение на сессии 26 апреля голосовала даже Финляндия, обычно воздерживавшаяся по большинству вопросов, в том числе и при голосовании этого предложения в Комитете.

¹¹⁴ Second United Nations Conference on the Law of the Sea. Geneva, 17 March – 26 April 1960. Summary Records of Plenary Meetings and of Meetings of the Committee of the Whole, Annexes and Final Act.

государств-морепользователей (здесь уместно напомнить, что Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. до сих пор не ратифицировала крупнейшая морская держава – США, которые, таким образом, до сих пор не являются ее участником)¹¹⁵. Были зафиксированы в результате многостороннего обсуждения многие важнейшие нормы морского права, включая толкование понятий внутренние воды, территориальное море и прилежащая зона, континентальный шельф. Таким образом Первые конференции ООН по морскому праву (1958 и 1960 гг.) и Женевские конвенции ООН по морскому праву (1958 г.) стали важной вехой на пути становления международно-правового статуса Мирового океана.

---

¹¹⁵ Советский Союз не подписал Конвенцию о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря, поскольку счел ее неприемлемой для себя.

Мазов С. В. Конголезский кризис и позиция СССР в ООН. 1960 г

Конголезский кризис стал первым серьезным испытанием советской политики в Африке южнее Сахары. В Конго СССР оказал прямую помощь левым националистическим силам и столкнулся с мощным, скоординированным противодействием ведущих западных стран «коммунистической угрозе в Африке». Для поиска путей выхода из кризиса были задействованы все институты и механизмы ООН – Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, специально созданный Консультативный комитет по делам Конго, ситуация в Конго стала предметом переговоров, многочисленных гласных и негласных встреч. Операция по поддержанию мира в Конго явилась одной из наиболее масштабных и сложных для войск ООН.

Периодические издания подробно освещали перипетии конголезского кризиса, о нем написаны десятки мемуаров, более сотни монографий. Однако позиция СССР в ООН по Конго до сих пор не была предметом специального исследования. Ее оценивали, опираясь главным образом на опубликованные документы ООН. Большинство западных авторов считают советскую линию в ООН «негибкой», «пропагандисткой», результатом преобладания идеологических императивов над прагматическими резонами¹¹⁶. Единственный зарубежный исследователь, до сих пор работавший в российских архивах по конголезскому кризису, демонстрирует более сбалансированный подход к оценке соотношения национальных интересов и идеологии¹¹⁷

---

¹¹⁶ *Hoskyns C.* The Congo Independence. January 1960 – December 1961. L., etc., 1965; *Weissman S.* American Foreign Policy in the Congo, 1960-1964. Ithaca, 1974; *Kalb M.* The Congo Cables: The Cold War in Africa from Eisenhower to Kennedy. New York, 1982; *Mahoney R.* JFK: Ordeal in Africa. New York, 1983.

¹¹⁷ *Namikas L.* Battleground Africa: the Cold War and the Congo Crisis, 1960-1965. A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School University of Southern California, 2002.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.